

Агостино
Паравичини
Бальяни

СТРАДАЮЩЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ТЕЛО ПАПЫ

Перевод и предисловие
Олега Воскобойникова

История и наука Рунета. Страдающее Средневековье

Агостино Паравичини Бальяни

Тело Папы

«Издательство АСТ»

2021

УДК 272-732.2
ББК 86.37+ 63.3(0)4

Паравичини Бальяни А.

Тело Папы / А. Паравичини Бальяни — «Издательство АСТ»,
2021 — (История и наука Рунета. Страдающее Средневековье)

ISBN 978-5-17-127223-4

Книга известного итальянского медиевиста Агостино Паравичини Бальяни представляет собой масштабный экскурс в историю папства – древнейшего духовного института Европы. Читателю предстоит познакомиться с ритуалами, сопровождавшими избрание и погребение великих понтификов, узнать, какие сакральные начала скрыты за их телесной оболочкой и как Курия толковала понятия бренности и вечности. В основе книги — рассуждения автора о сущности власти, о божественном и природном в человеке. Мир римских пап с мечтами о долголетию и страхом смерти, спорами о хрупкости тела и бессмертии души предстает перед нами во всем его многообразии. Перевод книги на русский язык выполнил российский медиевист, доктор исторических наук, специалист по культуре средневекового Запада Олег Воскобойников. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 272-732.2

ББК 86.37+ 63.3(0)4

ISBN 978-5-17-127223-4

© Паравичини Бальяни А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Трудно быть папой	6
Введение	9
Предисловие к русскому изданию	15
Часть первая. Плоть как метафора	17
I. Бренность и недолговечность	17
Дни папы сочтены	17
«Ты не увидишь лет Петра»	22
Предостерегающая гробница и звон костей	27
Папирусная подушка	30
Пепел	31
Ленточки из пакли	34
Латеранские троны	44
Трон в прахе	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Агостино Паравичини Бальяни

Тело папы

© Agostino Paravicini Bagliani, текст, 2021

© О. С. Воскобойников, перевод, предисловие, фото, 2021

© К. П. Мефтахудинов, Ю. Д. Сапрыкин-мл., послесловие, 2021

© Издательство АСТ, 2021

* * *

Трудно быть папой

Дождливым вечером 28 марта 2020 года, накануне Пальмового (по-нашему – Вербного) воскресенья, в самом начале бедствия, повергшего в шок Италию, затем всю Европу и, наконец, планету, папа Франциск в одиночестве вышел на площадь Святого Петра и прочел молебен. В портике Сан Пьетро выставили одну из древнейших христианских икон Богородицы с Младенцем, «Спасение римского народа», *Salus populi romani*, специально доставленную для этого из базилики Санта Мария Маджоре. Этот образ – такой же *палладиум* Вечного города, как Владимирская икона для Москвы. Публичное служение, совершенное в *одиночестве*, столь необычное для главы Католической церкви, было обусловлено всем известными обстоятельствами. На почтительном расстоянии, с соблюдением, что называется, социальной дистанции, присутствовало лишь несколько клириков, включая, кажется, двух кардиналов. Вдалеке, за ограждением, виднелись мигалки, полицейские и случайно допущенные прохожие. Молебен, однако, транслировался всему миру, с чередованием панорамных и крупных планов на площадь и храм, символ единства католического мира, на великую икону, на распятие и, конечно, на папу в его белом облачении. Тихая молитва прозвучала громко, *Urbi et orbi*.

В эти минуты, слушая спокойный голос первого понтифика, взявшего имя знаменитого святого из Ассизи, я четко осознал: за этой молитвой, такой простой по содержанию, но звучащей в устах главы католической Церкви, стоит история древнейшего религиозного и политического института Европы. Эти две тысячи лет и дали молитве ту силу, которая, хочется верить, помогла итальянцам в те первые недели. И может быть, не только им. Если просмотреть этот короткий ролик, нетрудно согласиться, что фигура понтифика, *тело папы*, говоря словами этой книги, собственно, и концентрирует в себе эту историю едва ли не в такой же степени, как сокровища Ватикана, от христианских реликвий и гротов до музеев и богатейшего собрания древних рукописей. Осознал – и решил перевести «Тело папы». Задумался я об этом в студенческие годы: это была первая большая работа о Средних веках на итальянском языке, которую я прочел в Италии. В наших библиотеках ее не было и нет. Двадцать пять лет спустя юношеская мечта сбылась.

Книга, которую Вы держите в руках, очень необычна почти во всем. Она оригинальна по теме, композиции и манере изложения, но в хорошем смысле старомодна по форме. Неподготовленного читателя напугает тысяча сносок с длинными латинскими цитатами – все их сохранил по воле автора, по счастью, моего близкого друга. Должен разочаровать тех, кто спешит: вся радость как раз в неразрывном единстве основного «блюда» с россыпью вкуснейших «закусок» и «десертов» именно там, в сносках. А. Паравичини Бальяни очень настойчиво, даже навязчиво излагает свою антропологическую концепцию *тела папы*, нередко повторяя одну и ту же мысль, но всегда обыгрывая ее в новых обстоятельствах. Его выводы иногда пунктуальны и пронумерованы, иногда – словно обрываются на какой-то маловажной детали, оставляя у читателя в голове большой знак вопроса. Половина книги – не о теле, а о *трупе*, его разложении, расчленении, бальзамировании, погребении. Нельзя ли уже немного о живых? Здесь больше смирения и унижения, чем величия и славы, папства униженного и оскорбленного, иногда в лицо, иногда за глаза, иногда в смертельной болезни, папства *страдающего*, а не *царствующего*. И напоследок – *эликсир*, какая-то *алхимия*, питьевое золото за столом кардиналов. О чем всё это?

Тема, занимающая Агостино Паравичини Бальяни, – конечно, не *устройство* тела папы, якобы какого-то не такого, как у других людей, простых смертных. Напротив, весь пафос книги в том, что папа, «сверхчеловек» как глава Церкви, такой же смертный, как все мы. Более того, об этом знают и папы, со времен Григория Великого называющие – и считающие! – себя *рабами рабов Божьих*. В этом парадоксе претендующей на исключительность власти итальян-

ский медиевист и находит ключ к истории того самого института, который пережил и Античность, и Средневековье, и Новое время, и катаклизмы XX века, и постмодернизм. Пережил, напомню, в отличие от нескольких империй, общественных и экономических укладов, переселений народов. Икону *Salus populi romani* папа выносил для коллективной молитвы в середине VIII века, когда боялись лангобардов, и вынес сейчас, когда ясно стало, что *самим* не справиться, когда ужас пришел в каждый дом. Престарелый, говорящий негромко или вовсе молчаливый, слегка улыбающийся, медленно поднимающийся к портику базилики, склонившийся перед образом и перед алтарем, папа именно в земной, человеческой, *телесной* своей оболочке оказывается главным предстоятелем перед Тем, кто может помиловать, а может – покарать. Папа такой же, как мы, – но совсем другой.

Именно о таком особенном человеке, о его непростой доле на вершине власти повествует «Тело папы». Мы не найдем здесь биографий, а отдельные характеры проступят лишь в общих чертах, в каких-то обстоятельствах, из которых мы, читатели, вольны выстраивать исторические образы. Задача автора не в этом, а в том, чтобы реконструировать историю института, связывающего землю с небом, выявить ее в том, как этот институт – курия в первую очередь – осмыслил земную природу брэнного тела в связи с неземной, не от мира сего, властью, которую это тело несло на своих плечах. Нетрудно догадаться, что центральным периодом в повествовании послужило Средневековье, время между Григорианской реформой и Возрождением, примерно 1050–1500 годы. Именно тогда папство разработало фактически весь свой символический язык, а в XIII веке, между Иннокентием III и Бонифацием VIII, его вселенские притязания звучали наиболее убедительно. Однако и предшествующие, и последующие столетия периодически встают на горизонте.

В середине 1990-х годов книгу сразу заметили и за несколько лет перевели на все основные европейские языки. Жорж Дюби, тогда корифей медиевистики, прочтя книгу, сказал автору по-свойски, что был бы рад написать такую же – но не успел. Рецензии и отклики в научной печати не заставили себя ждать. Ватикан, напротив, ответил прохладным молчанием, хотя кардиналы и Иоанн Павел II с книгой познакомились. Дело в том, что автор ее многие годы работал в Ватиканской библиотеке «скриптором», то есть научным сотрудником. Научные сотрудники именно этой библиотеки фактически были своими в сердце католического мира. Написал же он ее уже будучи ординарным профессором Лозаннского университета...

Агостино Паравичини Бальяни родился во время войны в знатной, глубоко религиозной семье, некогда владевшей обширными землями в Вальтеллине, в раннее Новое время давшей Римской церкви двух кардиналов. К середине 90-х годов он уже написал несколько книг о средневековом папстве, его роли как религиозного и политического института, о его символическом мире, научных интересах, повседневной жизни. Однако эта книга особенная. Как мне кажется, этот правоверный и строгий к себе католик, знавший и знающий историю своей Церкви во всех ее деталях, в мельчайших подробностях и обстоятельствах, видел, как в XX веке, особенно после Второго Ватиканского собора 1962–1965 годов, она постепенно отказывалась не только от богослужбной латыни, но и от многих «мелочей», за которыми стояла многовековая мыслительная работа поколений кардиналов, церемониймейстеров, писателей, художников, богословов, юристов-канонистов и, конечно, самих понтификов. Всем понятно, почему Ватикан ушел от тройной тиары: за этим стоят политические реалии Новейшего времени. Но специалисты назовут десятки, если не сотни, других подобных отказов. Все они обусловлены обстоятельствами времени, его – времени – ритмом и системой ценностей. Все они – результат коллегиальных решений, трудного диалога между клиром и миром, а не чьих-то волюнтаристских выходов. И книга Агостино Паравичини Бальяни – конечно, не упрек Ватикану, но строго научное исследование о том мире, который сохранился лишь частично и который у нас еще есть шанс сохранить, если мы захотим понять, что стоит за жестом понтифика, его улыбкой, его белым облачением.

Звенигород, Пасха 2021 года

*О. Воскобойников,
ординарный профессор НИУ ВШЭ,
академический руководитель
магистерской программы «Медиевистика»*

Введение

1. 1277 год. Витело, величайший средневековый специалист по оптике, живет в Витербо, где временно пребывает Римская курия. Он приехал в качестве посланника чешского короля Пржемысла Отакара II, претендовавшего на императорскую корону. В своей «Оптике» польский ученый рассказывает, как он часто на закате приходил к водопаду рядом с купальнями Скоппьо, неподалеку от города, и наблюдал за преломлением солнечных лучей в «бурном потоке».

Витело не рассказал нам, кто из членов Курии вместе с ним пытался понять физические законы радуги, но мы знаем, что в те же годы в Витербо бывали еще четверо ученых, изучавших зрение. Правивший тогда папа, Иоанн XXI (Петр Испанский), был известным медиком и написал важный трактат по офтальмологии. Английский францисканец Иоанн Пекхам преподавал богословие в куриальном университете, ему принадлежит «Общая оптика», которую стали использовать в школах в качестве учебника. Папский капеллан Кампано из Новары прокомментировал «Начала» Евклида, тем самым дав оптике математический инструментарий. Доминиканец и папский исповедник Вильгельм из Мёрбеке переводил Аристотеля и другие греческие научные сочинения, а в какой-то момент взялся и за философию света, о чем в предисловии к «Оптике» с восхищением вспоминает все тот же Витело.

Десятью годами раньше Роджер Бэкон отправил Клименту IV несколько своих крупных сочинений, в них он тоже затрагивает вопросы оптики. Этот ученый францисканец из Оксфорда даже написал специальный трактат «О лучах». За одно десятилетие, в 1267–1277 годах, все важнейшие для Средневековья тексты об оптике, пережившие Возрождение, были либо созданы, либо нашли распространение при папском дворе в Витербо.

2. Существование такого круга ученых поставило передо мной ряд новых, неожиданных исторических вопросов. Мое удивление возросло еще больше, когда я обнаружил, что Бэкон много внимания уделяет одному, на первый взгляд, курьезному вопросу: может ли человек омолодиться и отсрочить старость, иными словами – продлить себе жизнь. Он считает, что оптика и макробиотика неразрывно связаны. Только науки, основанные на опыте, – оптика, астрономия и алхимия – способны вернуть молодость и отсрочить старость. Эти мысли Бэкона подсказали мне, что, как и в области оптики, в продвижении «продления жизни», *prolongatio vitae*, культурное посредничество куриальной элиты оказалось определяющим фактором.

Что же именно значит интерес пап и кардиналов к наукам о природе и теле, только что пришедшим на Запад благодаря влиянию арабских мыслителей, в частности Авиценны и Аль-Хазена? Исключительно культурный запрос? Одним словом, интенсивное развитие знаний в Риме XIII века заставило меня задуматься над проблематикой тела в этом конкретном контексте¹.

3. К этой истории я присматривался и с другой точки зрения. Завещания членов Курии, написанные в XIII веке, показывают, как они представляли себе судьбу собственного праха после смерти². Некоторые кардиналы, в особенности французы, предписывали расчленение и потрошение своих останков, чтобы легче было быстро довести их до места захоронения. Другие, в частности итальянцы, предпочитали отказаться от престижной усыпальницы, например

---

¹ Эту научную жизнь я описал в ряде специальных исследований, собранных в моей книге «Медицина и науки о природе при папском дворе в XIII веке»: Paravicini Bagliani A. *Medicina e scienze della natura alla corte dei papi nel Duecento*. Spoleto, 1991.

² Id. *I testamenti dei cardinali del Duecento*. Roma, 1980.

в Ватиканской базилике, но не подвергать собственный труп риску расчленения, неизбежного в случае транспортировки.

Снова источники по истории папства XIII века отсылали меня к очень важному аспекту истории тела. Тогда, в последние десятилетия, резко оживилась дискуссия о целостности и возможности разделения человеческих останков. Ее логическим завершением стала декреталя Бонифация VIII *Detestande feritatis* (1299–1300), запрещающая вываривание и расчленение трупа любого человека.

Папа Каэтани выразил в ней свое личное мнение, которое торжественно и очень убедительно закрепляло как норму телесную целостность, то есть представляло ту же антропологическую позицию, на которой зиждились бэконовские идеи о гармонии комплекций как непереносимом условии «продления жизни». Поскольку тексты Бэкона начали распространяться именно при папском дворе, сам собой встал вопрос, не познакомился ли с ними и будущий Бонифаций VIII³. Одним словом, и эта знаменитая бонифациевская булла – часть истории телесности и личности папы⁴.

4. Кардинальские завещания и булла Бонифация VIII говорят о личном отношении к смерти. Немецкий историк Райнхард Эльце рассмотрел смерть папы в рамках истории папства как института. Это исследование показалось мне очень важным, потому что продемонстрировало еще один парадокс⁵.

Отправной точкой для ученого послужил рассказ Якова Витрийского о том, что произошло с прахом папы Иннокентия III. Приехав в Перуджу, где временно находилась Курия, Яков обнаружил, что папа умер, но еще не похоронен. В ночь на 17 июля 1216 года кто-то стащил с трупа облачения, в которых папу следовало хоронить, а тело бросили в церкви почти обнаженным и уже разлагающимся. Войдя в церковь, прелат, как он утверждает, воочию убедился, сколь обманчив и краток блеск этого мира.

Расширив исследование до Возрождения, Эльце вывел из схожих эпизодов что-то вроде правила. Случившееся с Иннокентием III нужно понимать буквально: «У папы, в отличие от светского государя, не было двух тел или сущностей, но лишь физическое тело, которое рождается и умирает. Оставались Христос, Римская церковь, Апостольский престол, но не папа»⁶.

5. Размышления Райнхарда Эльце шли в русле той проблематики, которую поднял Эрнст Канторович, автор знаменитой книги «Два тела короля». У короля два тела: одно природное, смертное, другое – институциональное, воплощенное в его королевстве⁷. Канторович в общих чертах касался и проблем истории папства, в основном для иллюстрации мысли юристов XIV века, рассуждавших о физической природе папы и императора, чтобы показать, чем эта мысль отличалась от представлений о физической природе короля. Короли увековечены в представляемых ими институтах, папа и император – нет.

Эльце обратил внимание на смерть папы – тему, фактически оставленную без внимания историками последних поколений. В результате обозначилось интересное направление поиска

---

³ Id. *Medicina*. P. 281–326.

⁴ Brown E.A.R. *Death and Human Body in the Later Middle Ages: The Legislation of Boniface VIII on the division of the Corpse // Viator*. Vol. 12. 1981. P. 221–270; Id. *Authority, the Family, and the Dead in Late Medieval France // French Historical Studies*. Vol. 16. 1990. P. 803–832; Santi F. *Il cadavere e Bonifacio VIII, tra Stefano Tempier e Avicenna. Intorno ad un saggio di Elizabeth Brown // Studi Medievali. Terza serie*. Vol. 28. 1987. P. 861–878.

⁵ Elze R. "Sic transit gloria mundi": la morte del papa nel medioevo // *Annali dell'Istituto storico italo-germanico in Trento*. Vol. 3. 1977. P. 23–41. Немецкий вариант той же статьи: Id. "Sic transit gloria mundi". *Zum Tode des Papstes im Mittelalter // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. Bd. 34. 1978. S. 1–18. Далее ссылки на итальянский текст.

⁶ Ibid. P. 36.

⁷ Канторович Э.Х. *Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии*. М., 2015 (английский оригинал – 1957 года).

как раз в связи с телом папы. Но эпизод в Перудже поставил и новые вопросы, касающиеся литературы по макробиотике, с которой я начал. Есть ли что-то общее между риторикой бренности, которой воспользовался Яков Витрийский, и поиском путей омоложения, которому предавались отдельные понтифики? Случайность ли, что многочисленные, связанные с папством тексты, созданные в рамках нескольких десятилетий, настойчиво говорят о двух противоречащих друг другу аспектах – бренности и долголетию?

6. Еще ряд вопросов возник у меня в связи с исследованиями Джулиана Гарднера и Инго Херклоца о римских надгробиях XIII века. На конгрессе «Рим в 1300 году», созванном Анджолой Марией Романини, они показали, что в конце XIII века Рим стал художественным центром европейского масштаба⁸.

Можно ли было свести историю смерти папы к простому противоречию между бренностью и вечностью? Если папа *тоже умирает* и не увековечивает себя в Церкви, значит, его прах реально теряет все признаки былого *величия*? И еще: если, умирая, папа теряет власть, *potestas*, какими ритуальными средствами институциональное самосознание Римской церкви могло восполнить вакуум власти, неизбежно возникавший с уходом понтифика? Чтобы понять это, потребовалось вновь изучить роль кардиналов, которые начиная с 1059 года обладали исключительным правом избрания папы.

7. Такие вопросы вновь возвращали меня к Канторовичу. Он, конечно, нашел корни династического сознания позднесредневековых и ренессансных королей у канонистов XI–XII веков, рассуждавших о «бессмертном достоинстве», но экклезиологические и ритуальные последствия этих рассуждений для истории Римской церкви его не волновали: он ставил перед собой другие задачи. Непаханое поле оказалось огромным. Перспектива систематического изучения тела папы вырисовывалась во всей своей сложности. В частности, на повестке дня оказалась проблема того, как папство попыталось выразить в ритуалах переход папской власти, *potestas papae*. Разработку этих ритуалов предстояло изучить с самого начала – не только из-за отсутствия специальных работ, но и ради уточнения хронологии. Уже первые попадавшиеся мне свидетельства попыток Римской церкви решать проблемы, встававшие в связи со смертью понтифика, зачастую оказывались намного древнее временных координат, намеченных в работах Канторовича и его ученика Ральфа Гизи.

8. История тела государя всегда должна учитывать природу власти этого государя. Папа принципиально отличается и от короля, и от императора, потому что его власть в Средние века не только – и даже не столько – светская, сколько духовная, церковная. Исходя из этого, я сформулировал главный для себя вопрос: учитывая противоречия между физической бренностью человеческой природы папы и институциональной преемственностью, как именно Римская церковь осмысляла взаимоотношения между папой как конкретным человеком и его властной функцией? Какие риторические и ритуальные средства папство задействовало для того, чтобы снять потенциальный конфликт между физической природой папы и его высочайшим служением?

Эти вопросы нельзя было игнорировать, иначе мы рисковали лишиться историю тела папы одной из важнейших ее составляющих. Нужно было просто понять, как двигаться дальше. По счастью, мне помог опыт двух крупнейших историков средневекового папства: Микеле Маккарроне и Герхарта Ладнера. Их работы позволили на добротном фундаменте реконструиро-

---

⁸ Roma anno 1300. Roma, 1983; Herklotz I. "Sepulcra" e "monumenta" del Medioevo. Roma, 1985; Gardner J. The Tomb and the Tiara. Curial Tomb Sculpture in Rome and Avignon in the Later Middle Ages. Oxford, 1992.

вать бытование образов и метафор, которыми римская церковная мысль наделила фигуру верховного понтифика в XI–XIII веках⁹.

9. XIII столетие предоставило возможность посмотреть на интересовавшие меня вопросы с разных точек зрения. Однако меня волновали отношения между индивидом и институтом, бренностью и вечностью, славой и недолговечностью власти, самоуничижением и прославлением служения, заботой о теле и символическим очищением тела, наконец, между телесными тяготами и поиском долголетия. Поэтому пришлось расширить временные рамки: почти все аспекты истории папства – бренность, символическое очищение, смерть – я изучал на временном отрезке XI–XVI веков.

Однако XIII век сохранил центральное положение в моем поиске. Мне хотелось проверить точность изначальной догадки, что именно тогда проблема тела папы впервые встала во всей своей сложности. Чтобы не растворить ее во времени, в том, что касается *заботы о теле* и *продления жизни*, я ограничил себя столетием между Иннокентием III и Бонифацием VIII – 1198–1303 годами. Последнему понтификату я посвятил особое внимание, потому что он представляется мне логичным эпилогом. Это не значит, что ситуацию тринадцатого столетия можно механически наложить на другие исторические периоды или что вопросы, возникшие тогда, не обсуждались и позже. Для лечения Пия XII в Рим дважды вызывали известных специалистов по «старению и омоложению»: в декабре 1954 и 8 октября 1958 года, накануне смерти¹⁰.

10. Источники последних столетий Средневековья, позволяющие изучать тему тела папы, невероятно разнообразны. Постепенно я понял особую значимость церемониальных книг Римской церкви XI–XV веков. Мы теперь можем их систематически изучать благодаря фундаментальным исследованиям Бернхарда Шимельпфеннига о текстологии и символическом значении средневекового папского церемониала, а также по корпусу, изданному покойным отцом Марком Дикмансом¹¹.

Следует заметить, однако, что чины (именно так, *ordines*, в Средние века называли церемониальные книги) представляют ряд трудностей для историка, потому что они редко отражают реальность¹². Мне же нужно было изучить ритуальное творчество Римской церкви не для того, чтобы удостовериться, соблюдались церемониальные предписания или нет, но как сви-

⁹ Maccarrone M. *Vicarius Christi. Storia del titolo papale*. Roma, 1952; Id. *Studi su Innocenzo III*. Padova, 1972; Id. *Romana Ecclesia Cathedra Petri*. 2 vv. Roma, 1991. Ladner G.B. *Die Papstbildnisse des Altertums und des Mittelalters*. 3 vv. Città del Vaticano, 1941–1984; Id. *Die Anfänge des Kryptoporträts // Von Angesicht zu Angesicht. Porträtstudien. Festschrift für Michael Stettler*. Bern, 1983. S. 78–97; Id. *Images and Ideas in the Middle Ages. Selected Studies in History and Art*. 2 vv. Roma, 1983.

¹⁰ Niehans P. *La sénescence et le rajeunissement*. P., 1937. Доктор Пауль Ниханс фигурирует среди медиков, которые лечили Пия XII 5 и 11 декабря 1954 г., о чем в те дни писала ватиканская газета «*Osservatore Romano*». 6 апреля 1955 г. он с коллегами присутствует на аудиенции, будучи накануне избранным членом Папской академии наук. 17 апреля газета напечатала его библиографию, но ни слова не сказала о методах лечения, которые сделали его знаменитым. Автор статьи ограничивается тем, что приводит слова Ниханса: «Кульминацией моей долгой жизни я считаю благодеяние Провидения – возможность помочь Его Святейшеству в его тяжелой болезни в 1954 году». 8 октября 1958 года медик проездом оказался в Риме, и его пригласили для консультации к умирающему понтифику. D'Orazi L. *Pio XII*. Bologna, 1984. P. 250.

¹¹ Schimmelpfennig B. *Die Zeremonienbücher der römischen Kurie im Mittelalter*. Tübingen, 1973; Dykmans M. *Le cérémonial papal de la fin du Moyen Age à la Renaissance*. 4 vv. Bruxelles, Rome, 1977–1985; Id. *L'oeuvre de Patrizi Piccolomini ou le cérémonial papal de la première Renaissance*. 2 vv. Città del Vaticano, 1980–1982.

¹² В хронологическом порядке речь идет о следующих чинах: X чин Бенедикта, каноника Св. Петра, составленный в 1140–1143 гг. (LC. Vol. II. P. 141–174); чины Альбина 1189 года (LC. Vol. II. P. 123–137) и Ченчо 1192 года (*Romanus ordo de consuetudinibus et observantiis = Liber Censuum LVII–LVIII*. LC. Vol. I. P. 290–311); церемониал Григория X 1272–1273 гг. (Dykmans M. *Le cérémonial*. Vol. I. P. 155–218); XIV чин, датируемый рубежом XIII–XIV вв. (Ibid. Vol. III); XV чин Пьера Амейя (Ibid. Vol. IV. P. 69–288); церемониал Франсуа де Конзье (Ibid. Vol. III. P. 262–335); церемониал Агостино Патрици Пикколомини 1484–1492 гг. (Id. *L'oeuvre*). О датировках и сложной истории текстов этих чинов см.: Schimmelpfennig B. *Die Zeremonienbücher*. S. 1–16 (Бенедикт, Альбин и Ченчо); 30–35 (Григорий X); 62–100 (XIV чин); 107–117 (XV чин), 120–126 (Франсуа де Конзье).

детельство рефлексии, естественным образом родившейся и развивавшейся внутри папства. С самого начала мне стало ясно, что такая масштабная историческая реконструкция требует особого внимания к моментам высокого напряжения, но она не может игнорировать и периоды стагнации. Только четкое следование хронологии позволяет понять исторические и институциональные, эkkлезиологические и культурные коллизии, из которых сложилась история взаимоотношений между физическим телом папы и властью понтифика.

Такой критический настрой дает возможность избежать опасности переоценить церемониальную сторону дела.

11. Отправной точкой для истории тела папы стал необычный интерес папского двора XIII века к медицине и наукам о природе, который тоже открылся мне случайно, через интеллектуальные биографии персонажей вроде Витело, Кампано из Новары, Вильгельма из Мёрбеке, Симоне из Генуи и некоторых других. Забота о теле и «продление жизни» в среде пап и кардиналов сами по себе уже требовали общего разъяснения. Однако работы историков, о которых сказано выше, и желание рассмотреть это отношение к телу в породившем его институционально-социальном контексте подсказали мне, что нужно идти и совсем другими путями, включая мир ритуалов и метафор.

В результате, в центре моего внимания оказалась не физическая телесность в узком смысле, не тело, которым занимаются врач и анатом, но тонкая грань между персоной папы, понимаемой в ее природном измерении, и высочайшей функцией, которую эта персона призвана исполнять. Поэтому слово *тело* включает здесь не только физическое тело, но и такие темы, как брэнность бытия и безгрешность жизни. Такое исследование выходит за рамки истории медицины и «заботы о теле», *cura corporis*, оно ставит своей целью показать, как в интересующее нас время различные уровни телесности – физической и метафорической – пересекались, влияли друг на друга или противостояли друг другу.

Такие вопросы вставали передо мной со все большей ясностью по мере продвижения. Телесность папы, понимаемая широко, – не связана ли она самым тесным образом с природой служения? А тело папы – не является ли именно оно становым хребтом полноценной истории папства в последние столетия Средневековья?

Довести до конца исследование такого рода можно только при поддержке таких ученых, которые к дружбе умеют прибавить критический взгляд. В моем случае эту роль сыграл Карло Гинцбург. Можно даже сказать, что поводом для написания книги послужил дружеский интеллектуальный вызов, который он мне бросил, когда я некоторое время преподавал на историческом факультете Калифорнийского университета в Лос Анджелесе. Там же и тогда же, а потом на протяжении многих лет, я обсуждал волновавшие меня вопросы с Герхартом Ладнером, одним из лучших знатоков средневекового папства, его идеологии и символического мира. Наши разговоры – продолжение давней и очень дорогой для меня дружбы, завязавшейся в залах Ватиканской библиотеки. Здесь же мне довелось встретиться с замечательным исследователем средневековой научной мысли Аннелизе Майер, с которой мы беседовали фактически каждый день два последних года ее жизни. Микеле Маккарроне, с его книгами об Иннокентии III, за работой над которыми я мог наблюдать прямо в его сложной исследовательской лаборатории, показал мне, какое терпение требуется для того, чтобы разобраться в меандрах идеологии средневекового папства.

Важными этапами стали для меня научная стажировка в Оксфорде, при Колледже Всех Душ, и занятия, которые я вел в Высшей школе социальных наук по приглашению Жака Ле Гоффа, Жан-Клода Шмитта и Алена Буро, а также в семинаре по религиозной истории под руководством Андре Воше. Наконец, я многое почерпнул из конференций в Эриче, в Центре научной культуры имени Этторе Майораны, во время Международного форума по изуче-

нию средневековых обществ и Международного семинара о Фридрихе II. Серьезным стимулом послужил интерес к моей работе со стороны Жоржа Дюби, Клаудио Леонарди прочел всю рукопись, Франческо Санти дружески следил за работой, и его ценные замечания прячутся на многих страницах книги. Многие мои друзья помогли советом, иногда даже не зная об этом: Джильмо Арнальди, Жак Шиффоло, Жан Кост, Кьяра Кришани, Кристиан Клапиш-Зюбер, Микела Перейра, Мишель Пастуро, Пьер Тубер, мои коллеги по Лозаннскому университету Бернанд Анденматтен, Жан-Даниэль Мореро, Вероник Паш и Ансар Вильдерманн. Всем им, особенно Луи Дювалю Арну, скриптору Ватиканской библиотеки, я глубоко благодарен.

Мартин, Лоренцо и Клелия знают, что без их вдумчивого терпения эта книга никогда бы не появилась.

Предисловие к русскому изданию

Когда в 1994 году эта книга вышла в Италии, она произвела впечатление, а ее название привлекло особое внимание. Я узнал об этом от некоторых друзей, серьезных медиевистов. Прошло несколько лет. Начиная с 2000 года до кончины Иоанна Павла II, когда все СМИ следили за его понтификатом, третьим по длительности в истории, словосочетание «тело папы» стало общим местом. Иоанн Павел II был понтификом, тело которого пережило несколько фаз – от папы-атлета до папы-страдальца и усопшего папы. В Бенедикте XVI общественное мнение открыло для себя еще один аспект, волновавший меня в книге: интерес к церемониалу, облачениям и в особенности к красному цвету, моцетте, обуви. Еще одно новшество пришло с Франциском I, на сей раз новшество историческое: впервые за восемь веков, начиная с 1200 года, папа отказался облачаться в красное. Все папские одеяния теперь белые.

Эти события из жизни пап последних десятилетий напрямую связаны с историей тела папы, которую можно начинать в XI веке, там же, где Эрнст Канторович начал свою историю «двух тел короля». В отличие от короля, у папы лишь одно тело, потому что папство – не династия. Когда понтифик покидает нас, его «власть» временно возвращается в «институциональное тело», кардинальскую коллегия, призванную представлять Церковь во время вакансии Апостольского престола. Так происходит каждый раз. История «тела папы» корнями уходит в отношения между физической природой смертного человека на престоле и персоной папы, представляющей Церковь как институт.

К пониманию этих вопросов я пришел, изучая тексты XIII века, которые впервые в истории Средневековья давали рецепт омоложения, обещали отсрочить приход старости. Меня удивило, что «Отсрочка последствий старости» и теории Роджера Бэкона обращались к понтификам. Затем – но совсем не сразу, потому что целина была не поднятой – я осознал, что уже в середине XI века великий деятель Григорианской реформы, св. Петр Дамиани, написал небольшой трактат «О краткости жизни римских пап». Здесь-то, как я вдруг понял, и началась риторическая и ритуальная работа папства, продолжавшаяся до XX века, цель которой состояла в том, чтобы напоминать правящему понтифику о его физической бренности, то есть о том, что, оказавшись на вершине человеческой иерархии, он остается смертным. Я стал воссоздавать сложные отношения, зачастую конфликтные, между физической личностью папы и личностью институциональной, меня заинтересовали символы папской власти, и я заметил, что с первых десятилетий XIII века цвета папских облачений стали трактовать в христологическом ключе. Грубо говоря, понтифик стал ходить в красном и в белом, потому что это были цвета Христа: красный – цвет мученичества, белый – цвет невинности и Воскресения. Неслучайно, что первые свидетельства такого толкования относятся к тому же времени, когда, около 1200 года, Иннокентий III закрепил за собой старинный титул *наместника Христа*.

Папа смертен. Для выражения этой простой мысли был разработан такой риторический и ритуальный аппарат, которому не было равного на Западе. Потому что, будучи папой, этот смертный человек выходит за пределы своей физической оболочки. Потому что он представляет институт, который его переживает и в основании которого – Христос. В конечном счете, противоречие между бренностью папы и поиском долголетия в какой-то степени всего лишь видимое, ведь в те века в средневековой Европе пробивала себе дорогу простая мысль, что любой государь – папа, император, король – имеет право на особую заботу о теле, на исключительную *cura corporis*, ведь в его здоровье символически отражается благоденствие всего политического института, народа, страны.

Фрибур, апрель 2021 года

Агостино Паравичини Бальяни

Часть первая. Плоть как метафора

І. Бренность и недолговечность

Дни папы сочтены

Июнь 1064 года. Петр Дамиани (1007–1072), один из вдохновителей реформы церкви XI века, шлет папе Александру II (1061–1073) небольшое сочинение, чтобы обратить его внимание на одну, на первый взгляд, курьезную проблему: «отчего глава Апостольского престола никогда не живет долго и в скором времени наступает его последний час?»¹³. Вопрос звучал непривычно и смело. Никто еще не рассуждал о краткости жизни понтификов. К тому же Дамиани писал папе, который к тому времени правил всего несколько лет. Мантуанский собор только что, в июне, признал его легитимность, положив конец расколу, начавшемуся двумя годами раньше, с избранием антипапы Гонория II¹⁴.

Если верить Дамиани, понтифик сам попросил его поразмышлять над странным совпадением: ни один из его предшественников не прожил в служении больше четырех-пяти лет¹⁵. Пытаясь понять природу этого тревожного явления, автор послания охватил взглядом историю папства и обратился к своду папских жизнеописаний – «Папской книге» (*Liber pontificalis*). И тогда ему открылась еще более удивительная историческая закономерность: ни один понтификат не длился так долго, как служение св. Петра, то есть двадцать пять лет, согласно раннехристианскому преданию¹⁶. Хронология «Папской книги» предельно ясно указывала на то,

¹³ Die Briefe des Petrus Damiani. Brief 108 / Ed. K. Reindel. Bd. III. München, 1989. S. 188–200. Вопрос «Почему папа живет недолго», *Cur rara non diutius vivat*, в большинстве рукописей совпадает с названием трактата. Фраза «отчего глава Апостольского престола никогда не живет долго и в скором времени наступает его последний час?» включена в текст. О датировке см.: Lucchesi G. Per una Vita di S. Pier Damiani. Componenti cronologiche e topografiche. Vol. 2. Cesena, 1972. Nr. 189; Id. Clavis S. Petri Damiani. Faenza, 1970. P. 83. Краткий анализ: Bultot R. La doctrine du mépris du monde. Vol. IV. Le XIe siècle. Louvain-Paris, 1963. P. 71–77; Cacciamani G. De brevitae vitae pontificum Romanorum, et divina providentia // Vita monastica. Vol. 26. 1972. P. 226–242; Colosio I. Riflessioni di S. Pier Damiani sulla morte dei papi // Rivista di ascetica e mistica. Vol. 3. 1978. P. 240–245; Schmidt T. Alexander II. (1061–1073) und die römische Reformgruppe seiner Zeit. Stuttgart, 1977. S. 181–182.

¹⁴ Бурное избрание Александра II, прошедшее в Риме 1 октября 1061 г. под влиянием Гильдебранда, будущего Григория VII (1073–1085), встретило сопротивление большой группы епископов, не довольных программой реформ, задуманных папством. Синод, собравшийся в Базеле, избрал другого папу – епископа Пармы Кадало, взявшего имя Гонория II (1061–1064).

¹⁵ Die Briefe. S. 189: «Aliquando certe, si rite teneo, a me sollicitae requisistis, quae michi causa videretur, cur apostolicae sedis antistes nunquam diutius vivat, sed intra breve temporis spacium diem claudat extremum, adeo ut post beatum Petrum apostolum, qui per quinque circiter annorum lustra presedit, nemo postmodum Romanorum pontificum hoc spacium praesulatus aequaverit, modernis immo temporibus vix quispiam in predictae sedis culmen evahitur, qui metam quattuor vel ut multum quinque transcendat annorum». Александр II и раньше обращался к Петру за разъяснениями по волновавшим его вопросам. См., например, пролог к «Житию св. Родульфа, епископа Губбио» (PL. T. 144. Col. 1009) и письмо I 12 (PL. T. 144. Col. 214). Schmidt T. Op. cit. S. 181). Дамиани написал Александру II целых девять писем. Еще будучи епископом Лукки, Ансельмо ди Баджо сопровождал Петра в важной поездке в Милан 1059 (ibid. S. 63). Вообще Дамиани, приор аббатства Фонте Авеллана, активно участвовал в римских делах со времен Григория V (1045–1046) и входил в узкий круг советников Льва IX (1048–1054). Стефан IX (1057–1058) сразу дал ему высокую должность кардинал-епископа Остии, тем самым поместив на вершину кардинальской иерархии.

¹⁶ Дамиани утверждает, что внимательно читал «Папскую книгу». *Disceptatio Synodalis*. MGH. Libelli de lite. Bd. I. S. 79: «Percurre mecum aecclesiasticae antiquitatis historias, Romanorum presulum catalogum studiose disquire». О св. Петре: *Liber Pontificalis*. Vol. I. P. 118 (далее: LP): «Petrus ingressus in urbe Roma, Nerone Cesare, ibique sedit cathedram episcopatus ann. XXV m. II d. III». См. также: *Catalogo Liberiano* // LP. Vol. I. P. 3: «Petrus ann. XXV mens. I d. VIII». Источники: DACL. Vol. 14/1. Paris, 1938. P. 844–845. Число 25 фигурирует во всех древних списках римских епископов. Klauser Th. Die Anfänge der römischen Bischofsliste // *Bonner Zeitschrift für Theologie und Seelsorge*. Bd. 8. 1931. S. 210–211. Наиболее правдоподобным считается тезис К. Шмидта: легенда о Симоне Маге помещает приезд Петра в Рим самое раннее на 42 год, а начало служения Лина епископские списки помещают на 67 или 68 год, поэтому возникла уверенность, что на деятельность Петра в Риме приходится как раз 25 лет. Schmidt C. Studien zu den Pseudo-Clementinen. Leipzig, 1929. S. 359 ff. См. также Caspar E. Die älteste römische Bischofsliste. Kritische Studien zum Formproblem des eusebischen Kanons sowie zur Geschichte der ältesten Bischofslisten

что ни один папа не достиг «лет Петра»¹⁷. Это открытие, несомненно, впечатлило Дамиани, тем более что оставалось всего три года до тысячелетнего юбилея кончины апостола (1067)¹⁸.

Опираясь на близкое знакомство с понтификом и на свой непререкаемый авторитет, он сразу делает первый вывод: жизнь коротка только у папы, а «необходимая краткость его дней не встречается ни в одной другой церкви на земле» и не затрагивает королей¹⁹. «Спаситель мира родился от Девы во время очень долгого правления Октавиана Августа (56 лет), а Давид, из корня которого Христос соблаговолит произойти, царствовал сорок лет». Выходит, что два самых важных с точки зрения автора царствования в истории намного длиннее любого понтификата, и даже самые краткие правления прочих государей не бывали столь краткими, как правления пап²⁰.

Итак, краткость – основной элемент, характеризующий жизнь папы, отличающий его от епископа или короля. Краткость жизни говорит о том, что папа отличается от любого другого государя. Это исключительная черта, приданная ему по воле Бога, «тайна, предпосланная Промыслом, чтобы в первейшем из них внушить роду людскому страх смертный, чтобы поправить славу временной жизни». Папа, «первейший из людей, призван умереть в скором времени, и страх перед этим всякого заставляет задуматься о собственном конце: видя, как легко рухнет вершина кроны, древо людское всеми ветвями трепещет под ветром страха»²¹. Ужас, который наводит смерть папы, – совершенно особого рода, его ни с чем не спутаешь, потому что она – послание вселенского масштаба, все «до глубины души потрясены, ибо страшатся и собственного конца»²². Смерть папы всем и каждому торжественно напоминает о тщетности мирской славы, призывает приготовиться.

Смерть короля касается лишь управления его королевства, смерть папы лишает мир отца. Есть тому доказательство от противного, настаивает Дамиани: что Африка знает об азиатских владыках, а Эфиопия – о князьях гесперийских? Им нет дела друг до друга, ни живым, ни

und ihrer Entstehung aus apostolischen Sukzessionsreihen. Berlin, 1926. S. 208.

¹⁷ Современная реконструкция хронологии LP подтверждает наблюдения Дамиани (первые восемь веков, до Адриана I, в таблицах LP. I. P. CCLX–CCLXII; период 795–1458 гг.: ibid. II. P. LXXV–LXXVIII). Из девяноста понтификов от св. Петра Адриана I (795) лишь трое достигли 21 года: Сильвестр I (314–335), Лев I (440–461) и Адриан I (772–795). Чуть меньше четверти (23, 33 %) правили от 10 до 20 лет, три четверти (72, 22 %) – менее десяти, четырнадцать пап – меньше года, пятнадцать – год-два, шестнадцать – от трех до пяти. Период между Каролингами (Лев III, 795 г.) и предшественником Александра II Николаем II (1058–1061) дает цифры, еще лучше подтверждающие тезис Дамиани: 58 из 63 понтификатов (92 %) длились меньше 10 лет, только пять (8 %) – 11–20 лет. За три с половиной века 22 понтифика (37 %) прожили меньше года в служении. Ни один не перешел двадцатилетнюю черту. Между Сильвестром II (999–1003) и Николаем II (1058–1061) средний срок понтификата серьезно снизился. Почти половина из 17 законных с точки зрения «Папской книги» пап, правивших в 998–1061 гг., восемь (47 %) правили меньше года (антипапы списками не учитываются). Ни один понтификат не продлился больше 12 лет. Чем ближе к «сегодня», о котором пишет Дамиани, тем очевиднее проступает «краткосрочность» понтификатов. Из семи пап, возглавлявших кафедру Петра в 1045–1061 гг., только три прожили больше года, двое – больше двух лет, один – больше пяти. Иными словами, в 998–1044 гг. средний срок служения составил 77 месяцев, в следующем периоде (1045–1061 гг.) – не больше двадцати трех. Крайние точки – 24 дня (Дамас II) и пять лет, два месяца и семь дней (Лев IX).

¹⁸ Согласно «Папской книге», источнику Дамиани, св. Петр погиб в один день с св. Павлом через 38 лет после Страстей Христовых, то есть в 67 году (LP. I. 118; 119. N. 12).

¹⁹ Die Briefe. S. 189: «Quod considerantibus prodigialis, ut ita loquar, stupor oboritur, quoniam haec breviter vivendi necessitas, quantum ad nostram notitiam, in nulla alia totius orbis aeclesia reperitur».

²⁰ Ibid. S. 190: «Sed quispiam fortassis obiciat, cur et regibus haec eadem vivendi brevitatis non occurrat? Nam et Octavianus Augustus quo imperante salvator mundi de virgine nasci, et David rex, de cuius stirpe dignatus est propagari, alter quinquaginta sex, alter quadraginta annorum curriculis in regali fastigio floruerunt. Post quos et alii videlicet utriusque regni principes, etsi minuscule, non tamen ad instar Romanorum pontificum brevissima regnaverunt temporum quantitate».

²¹ Ibid. S. 190: «Sed in quantum mortalibus divinae dispensationis revelatur arcanum, videtur nobis, quia idcirco hoc iudicii caelestis ordo disponit, ut humano generi metum mortis incutiatur, et quam despicienda sit temporalis vitae gloria, in ipso gloriae principatu evidenter ostendat. Quatinus dum praecipuus hominum tam angusti temporis compendio moritur, tremefactus quisque ad praestolandi sui obitus custodiam provocetur, et arbor humani generis, dum cacumen ac verticem suum tam facile corrui se considerat, flatu concussa formidinis in suis undique ramusculis contremiscat».

²² Ibid. S. 192: «Et sicut sol, quia solus lucet, si eclipsin forte sustineat, presto necesse est, ut tenebras totus ubique mundus incurrat, sic papa cum ex hac vita recedit, ilico quia unus in mundo est, longiqua regnorum spacia mortis eius fama percurrit. Et consequens est, ut quos tam sublimis singularisque personae casus obturbat, propriae quoque vocationis exitum tremefactis visceribus expavescent».

мертвым, потому что они – далеко. Земные правители пребывают в своих землях, известие об их смерти не достигает других стран. О кончине папы узнают везде, потому что он – единственный «вселенский епископ», *episcopus universalis*, всех церквей²³. И еще: смерть короля не вызывает такого ужаса, потому что светские правители вообще часто погибают от меча или «иной смертью». Жизнь папы завершается по чину естества, известие о его смерти не может не вызвать великого страха²⁴.

Дальше идет подробное разыскание на тему того, что все творение – небо, земля, воздух, вода и все, что в них, приведено в гармонию с мудростью и добротой исключительно для счастья и на пользу человека. Вода и земля согласно дарят ему травы и деревья. Травы превращаются в животных, те тучнеют и становятся сладкой пищей. Всякая тварь на небе, на земле и в воде служит человеку и подчиняется его власти. Стихии сотрудничают, чтобы предоставить ему удивительное разнообразие плодов²⁵.

Этот гимн вселенной занимает половину послания и представляет собой почти что самостоятельный трактат. Неслучайно в восьми рукописях название отсылает к двум поднятым здесь вопросам: «Почему папа живет недолго и почему творение служит человеку?»²⁶ Уход от темы – лишь видимость. Наоборот, именно здесь разговор о самосмирении становится максимально ясным и чеканным. Сначала нам предлагают взглянуть на все человечество. Человек может распоряжаться творением, но человек он только в той мере, в какой признает «творца людей», Бога. Нарушая заповеди, он перестает быть самим собой. Согласно Иову, «и звезды нечисты пред очами Его», тем паче человек, предназначенный к «разложению». Самоуничтожение, по сути, касается и понтифика, ведь даже Аврааму, возвысившемуся до «собеседования с Богом и стяжавшему милость приблизиться к Нему», пришлось вспомнить о своем низком происхождении, и он воскликнул: «вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел»²⁷.

После этого Дамиани рассказывает папе об обрядах смирения, которые применяются в Византии во время императорской коронации. «У греков есть такой обычай: лишь только новопоставленный император облачается в инсигнии, украшается короной славы и скипетром, получает от знати изъявления почтения и воспевается хором, кто-нибудь подходит к нему, держа в одной руке сосуд, наполненный прахом и костями, в другой – льняную паклю, старательно расчесанную, со свисающими волосками. Ее тут же поджигают, и она вмиг сгорает. В первом императору дается видеть то, что он есть, во втором – то, чем он обладает. В прахе он узнает самого себя, а пакля подсказывает, как быстро сгорит мир, когда настанет Страшный суд. Так, глядя на себя и на бранные, никчемные свои владения, он ни в коем случае не возгордится, достигнув вершины императорской власти. И поскольку очевидно, что у обладателя и у владения общая судьба, достигший такой высокой почести не вознесется»²⁸.

²³ Ibid. S. 190–191: «Ad quod facile respondetur, quia cum unus omni mundo papa praesideat, reges autem plurimos in orbe terrarum sua cuiusque regni meta concludat, quia quilibet imperator ad papae vestigia corrui, tanquam rex regum et princeps imperatorum cunctos in carne viventes honore ac dignitate praecellit. Unde quolibet rege defuncto administratione eius regnum tantummodo, cui praeerat, destituitur, cum vero sedis apostolicae pontifex moritur, universus tamquam communi patre mundus orbatur. Quid enim Africa de regibus Asiae, aut quid Ethiopia de principibus sentit Hesperiae? Nam, sive moriantur, sive vivant, quia procul a se remoti sunt, utrumque indifferenter ignorant». Ibid. S. 191–192: «Porro quia terreni principes regni sui quisque, ut dictum est, limitibus includuntur, causa non est, cur per alienas mundi provincias eorum obitus diffundatur; papa vero, quia solus est omnium aecclesiarum universalis episcopus, cum luce privatur, mors eius per ampla terrarum regna diffunditur».

²⁴ Ibid. S. 190–191: «Seculares ergo principes quia diversae mortis casibus exponuntur, cor audientium eorum exitu non terretur; papae vero vita, quia sola naturalis obitus lege concluditur, eius ex hac vita transitus sine gravi formidine non auditur».

²⁵ Ibid. S. 192–199.

²⁶ Ibid. S. 188: «Cur papa non diutius vivat et quod hominum usibus quaeque creatura deserviat». См. там же список рукописей.

²⁷ Ibid. S. 199: «Quid autem sine his sit homo, perspicue diffinit scriptura, cum dicit: Stelle non sunt mundaе in conspectu eius, quanto magis homo putredo et filius hominis vermis?» Ср.: Иов 25: 5. «Unde et Abraham cum ad summae collocutionis culmen attollitur, cum divinae familiaritatis gratiam peculiariter promeretur, huius humilitatis recordatione deprimitur, cum dicit: Loquar ad Dominum meum, cum sim pulvis et cinis?» Ср.: Быт 18: 27.

²⁸ Ibid. S. 200: «Nam et apud Grecos haec tenere consuetudo perhibetur, ut cum imperator, quis in dignitate creatur, mox ut

В заключение человеку вновь предлагают восхвалить блестящий порядок творения и воздать за это должное не себе, а Творцу. Это значит, что вся природа служит и подчиняется человеку, но это дар, а не право или заслуга. И по той же причине человеку следует презреть земную славу, признать, что «цветущая плоть уже сухая пыль», и трепетать в ожидании Суда. Речь о человеке вообще, обо всех людях, но особенно о тех, кто достиг вершин славы, например о византийском императоре. Взяв его в качестве примера, Дамиани впервые на Западе рассказал об обряде смирения, применявшемся при коронации. Но в еще большей степени речь здесь о понтифике, которому собственно посвящен трактат. Последняя фраза звучит предупреждением: «Подчиняясь законам своего Создателя, тот, кого мы считаем лучшим из земных творений, пусть и в земной славе поистине просияет»²⁹.

Как можно видеть, отвечая на вопрос Александра II, Петр Дамиани поднял три фундаментальных темы: краткость жизни папы, достоинство стоящей над всем земным папской власти и брэнность римского понтифика.

1. Если инициатива действительно исходила от Александра II – признаков, ставящих это под сомнение у нас нет, – его вопрос вполне понятен: краткость жизни предшественников фактически обрекала вновь избранного папу на смерть. Вопрос Александра II к Дамиани не скрывает страха смерти? Но ответ Петра Дамиани, хотя и построен на теме краткости жизни, парадоксальным образом утешителен: да, ни один папа не пережил св. Петра, но некоторые приблизились к двадцати пяти годам его понтификата; если краткость жизни – правило, Александр II может надеяться прожить дольше своих предшественников. В конце концов, двадцать лет по тем временам составляли немалый срок, целое поколение.

2. Именно Дамиани обнаружил, что ни один папа не пережил «лет Петра». Эта находка и позволила ему выстроить целое рассуждение о краткости жизни римских понтификов как о чем-то исключительном, отличающем их от всех прочих государей. Тысячелетняя укорененность этой нормы в истории – как сказано выше, трактат написан за три года до юбилея мученичества св. Петра в Риме (67–1067) – не могла восприниматься иначе как знак божественной воли, тем самым усиливалось и ее значение для самоуничужения.

3. Следует заметить, что в трактате «О краткости» Дамиани использует по отношению к папе самые смелые и новаторские формулировки его верховенства. Эпитеты, описывающие понтифика, действительно сильны: «первый среди людей» (*praecipuus homo*), «вершина и полюс рода человеческого» (*casumen et vertex humani generis*), «единственный глава всего мира» (*unus omni mundo praesidens*). Наконец, он «царь царей, государь императоров» и «общий отец» (*communis pater*).

---

imperialibus fuerit infulis redimitus, coronae simul ac sceptri gloria decoratus, cum denique procerum vallatur obsequiis, cum excipitur modulanti bus psallentium choris, quidam sibi praesto fit obuius, qui videlicet una manu vasculum plenum mortuorum ossibus ac pulveribus offerat, in alia vero stuppam lini subtiliter pexam ac pilis pensilibus molliter demolitam, cui protinus ignis adhibetur, et repente in ictu oculi flamma subito vorante consumitur, ut in altero debeat considerare, quod est, in altero valeat videre, quod habet. In cineribus siquidem se cinerem recognoscit, in stuppa iam colligit in die iudicii, quam subito mundus ardebit. Quatinus dum se simul ac sua tam vana tam floccipendenda considerat, de imperialis culminis ascenso fastigio nullatenus insolescat. Et dum possessor atque possessio subiacere communi omnium casui non ambigitur, iam quasi de singulari dignitatis apice, qui ad summa provectus est, non infletur». Об источниках см.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Jena, 1938. S. 148; М. Ренчлер считает, что эти сведения Дамиани предоставил некий монах из латинского монастыря Девы Марии в Константинополе, к которому тот однажды писал (письмо 130). Rentschler M. Griechische Kultur und Byzanz im Urteil westlicher Autoren des 11. Jahrhunderts // Saeculum. Bd. 31. 1980. S. 108. Briefe. S. 200. N. 30.

²⁹ Ibid. S. 200: «Pulchrum ergo mundanae conditionis ordinem homo consideret, et dum suis usibus omnia cernit attribui, non sibi sed suo referat gratias conditori. Lenocinantem mundi gloriam sub iudicii sui calcibus deprimat, vigorem carnis aridum iam pulverem credat, diem suae vocationis tanquam speculum suis semper obtutibus anteponat, districtum ultimae discussionis iudicium contremiscat. Quatinus dum nunc creatoris sui legibus subditur, qui inter creaturas, quae terrenaе sunt, videtur insignis, in caelesti quoque gloria veraciter sit sublimis».

Некоторые из этих определений показывают, что Дамиани более, чем кто-либо еще, был уверен в прерогативах Рима, что применяемые им в письме титулы говорят о возрожденном осознании папского авторитета, совсем ослабевшем в предыдущий период³⁰.

Разве это не важно? Петр Дамиани размышляет над краткостью жизни римского понтифика именно в том трактате, где дает новые определения его исключительной власти. Чем он не новый Авраам? Достойный «собеседования в вышних» с Богом, не должен ли он лучше, чем любой другой, помнить о том, что он – прах? Разве не к папе – среди всех христиан – в наибольшей мере относятся дискурс смирения и ритуалы уничижения? Вот почему, считает автор послания, папа – единственный правитель, предназначенный к «краткому» служению: он «первый из людей», «по чести и достоинству» он выше всех «живущих во плоти». Чтобы возвеличить функцию папской власти, Дамиани настаивает на физической брэнности папы. Хорошо зная эту традицию, немецкий поэт Генрих Вюрцбургский около 1265 года воспользуется его терминологией, чтобы противопоставить брэнность и вселенский охват функции понтифика:

«Папа» – короткое слово, но имени этого сила
Мир наш объемлет кругом, достигая самих полюсов³¹.

4. Однако будем аккуратны: Дамиани утверждает, что папа «превосходит по чести и достоинству всех живущих во плоти», потому что «Всевышний пожелал, чтобы жизнь его всех наставляла». По той же причине Бог повелел, чтобы и «смерть его послужила спасению народов»³². Более, чем всякая иная, смерть папы – орудие спасения. Этот аргумент тоже мог успокоить тревогу получателя письма. В представлении Петра Дамиани жизнь и смерть папы – настоящий образец для всего христианского мира. Жизнь его коротка потому, что исключительно активна³³. Уникальность жизни и смерти понтифика соответствует его верховенству над любым другим епископом или королем, но и накладывает на него жизненную программу, радикальным образом затрагивающую всю его человеческую природу: «сознавая себя отцом мироздания, он должен не покладая рук являть благой пример сыновьям»³⁴.

5. Смерть папы совершенно непохожа на смерть другого знатного человека. Она значительнее смерти короля, поскольку внушает больший страх. Говоря о ней, Дамиани делает акцент на упорядоченности этого не насильственного, тихого и умиротворенного ухода. «Естественной» смерти папы он противопоставляет гибель королей, которых «часто убивают мечом», то есть подвергают насильственной смерти. Она «подчеркивает неизбывный дисконтинуитет власти», «драматическую окраску магической власти государя, прерывающейся и вечно вынужденной с трудом начинать все сначала»³⁵. Зато «естественная» смерть папы вписывается в историческую линию, основанную на порядке, призванном умерять вызываемый этой

³⁰ Так Райан толкует пассаж, в котором встречается выражение *universalis episcopus*. Ryan J. J. *Saint Peter Damiani and His Canonical Sources*. Toronto, 1956. P. 103–105. Hofmann K. *Der 'Dictatus Papae' Gregors VII*. Paderborn, 1933. S. 34. См. также: Löwe H. *Kaisertum und Abendland in ottonischer und frühsalischer Zeit // Historische Zeitschrift*. Bd. 196. 1963. S. 529–562.

³¹ «Papa brevis vox est, sed virtus nominis huius / Perlustrat quicquid arcus uterque tenet». Versus 669–670. Grauert H. *Magister Heinrich der Poet von Würzburg, und die römische Kurie*. München, 1912. S. 91.

³² Briefe. S. 192: «Ubi notandum, quam velit omnipotens Deus Romani pontificis vitam hominibus in aedificatione prodesse, cuius etiam mortem decrevit salutem gentium ministrare».

³³ В послании кардиналам осенью 1057 года (*ibid.* Bd. II. S. 57 N. 48) Дамиани утверждает, что универсализм Латерана, куда стекаются «народы со всего мира», накладывает моральные обязательства на того, кто там живет: «Porro quia ad Lateranense palatium a diversis populis de toto terrarum orbe confluit, necesse est, ut ibi prae ceteris uspiam locis, recta semper vivendi sit forma, districta teneatur assidue sub honestis moribus disciplina».

³⁴ *Ibid.* Bd. III. S. 192: «Quanto studio debet lucris animarum, dum advivit, insistere, cuius etiam mors providetur ad creatorem suum animas hominum revocare, ut dum se patrem orbis esse considerat, ab inculcanda tot filiis hereditate desidia non torpescat».

³⁵ De Heusch L. *E²crits sur la royauté sacrée*. Bruxelles, 1987. P. 232. О проблеме насильственной смерти см. также: Id. *The Sacrificial Body of the King // Fragments for a History of the Human Body / Ed. M. Feher et al. Vol. III*. New York, 1989. P. 387–394.

смертью ужас, масштаб которого соответствует масштабам всего христианского мира. Настаивая на вселенском значении смерти папы, Дамиани выводит ее из обыденной смертности. Она касается не только Рима, как смерть епископа касается его диоцеза, а смерть короля – королевства, но всей христианской ойкумены, вселенской церкви.

б. Дамиани недостаточно продемонстрировать свое удивительное открытие в области хронологии – «годы Петра». Он собрал информацию о ритуалах смирения, предназначенных для византийского императора, и описал их своему адресату. Это говорит о его четком желании призвать папу к самоуничтожению не только риторикой краткости и «годами Петра», но и с помощью обрядов.

«Ты не увидишь лет Петра»

Чуть больше полвека спустя тема краткости жизни папы возникает в «Папской книге». Поводом послужил необычно продолжительный понтификат Пасхалия II (1099–1118), правившего целых девятнадцать лет. Проблема показалась столь значительной, что биограф решил пространно рассказать о знамении, возвестившем такой срок.

Во время богослужения некий человек показал епископу Алатри Альберту листок, на котором было написано *Quater quaterni ternique*, что значит «четырежды четыре плюс три», то есть – девятнадцать. Алатрийский прелат поехал в Рим, предстал перед новоизбранным понтификом, сидевшим в тот момент на троне, и воскликнул: «Я узрел это по воле Божьей, и ты узришь, пока будешь жив». А затем громко произнес слова из видения – *quater quaterni ternique*, – которые, согласно «Папской книге», означали не прошедшие дни, недели или месяцы, а годы жизни папы, «которых мы чаем от милости Божьей». Смысл такого пророчества постфактум от нас не скроется: только божественный промысл мог легитимизировать такой долгий понтификат и его «опасное» приближение к пророческим «двадцати пяти годам Петра»³⁶.

В жизнеописании Каликста II (1119–1124) рассказ о его смерти тоже начинается с риторического замечания о краткости жизни: «Никакая власть долго не длится»³⁷. Здесь возвращение к нашей теме политически мотивировано: Каликст II правил всего пять лет, но с большим блеском. Заключив Вормсский конкордат с Империей (1122), он вывел папство с победой из изнурительной борьбы за инвеституру, поэтому славу правления нужно было как-то уравновесить констатацией его краткости.

В следующие два десятилетия по поводу бренности физической персоны папы стал высказываться Бернард Клервоский. Он не цитирует, но явно помнит рассуждения Петра Дамиани. Уже в письме Евгению III, первому в истории папе из цистерцианцев, он увещевает его не забывать, что он человек, и должен «всегда бояться Того, кто забирает к себе дух государей». А к приглашению размышлять о краткости дней понтификов прибавляет новый аргумент: «Сколько понтификов в последнее время ты видел своими глазами на смертном одре... Твои предшественники сами предупреждают тебя: конец твоего служения не только неминуем, но и близок. Краткость их правления подсказывает тебе, что и твои дни сочтены. Так что не забывай помышлять о смерти среди радостей нынешней славы, ибо несомненно ты последуешь и в могилу за теми, кому ты наследовал трон»³⁸.

³⁶ LP, II, 297: «Dum haec Romae agerentur, Albertus, Allatrinus episcopus, quicquid affuturum esset per oraculum vidit. Religioso cultu quedam persona ibi apparuit, quae interroganti quis domno Urbano succederet, respondit: "Rainerius. – Ut quid? inquit. Propter fidem et constantiam, ait ille, elegit eum Dominus". Et iterum: "Putasne, inquit ille, vivet?" "Vivet, ait, sedebitque". Et ostendit id scriptum: Quater quaterni ternique. Episcopus sciturus rem Romam venit. Quem ut vidit intronizatum et papam: Quod vidi, inquit, Deo gratias, video; et tu quantum vives videas. Et ait: Quater quaterni ternique. Hoc numero X et VIII annorum tempus exprimitur; et cum tot dies, ebdomadae et menses eo superstitie iam transierint, vitam eius ad totidem annos produci per Dei gratiam expectamus».

³⁷ LP. II. P. 323: «Sed nulla potentia longa».

³⁸ Bernardus Claraevallensis. Epistola 238 // PL. 182. Col. 430–431: «In omnibus tamen operibus tuis memento te esse hominem,

Итак, Бернард тоже пользуется понятием краткости жизни, чтобы противопоставить бренность понтифика высокому достоинству его властной функции, но вводит новые акценты. С разговором о краткости он обращается к правящему папе, которому в любом случае не избежать обязательного постоянного самоуничтожения, которому подчинялись его усопшие предшественники. Через одно поколение после Вормса верховенство папства не вызывает ни у кого сомнений, и это заставляет сделать риторику смирения еще более радикальной. Убедительность послания Бернарда Клервоского, основанная на суровой монашеской традиции «презрения к миру», *contemptus mundi*, указывает и на контраст, если не конфликт, между изысканной жизнью папского двора и идеалами строгой простоты цистерцианского монашества.

«Вот две спасительных для тебя мысли: что ты верховный понтифик и что есть – не станешь, а есть! – прах... Если не хочешь лишиться себя радостей и благ созерцания, тебе следует размышлять не только о том, что ты родился человеком, но и о том, как ты родился... Разве ты пришел в мир с тиарой на голове? Сверкая драгоценными камнями и в шелковых одеждах? В гирляндах из перьев и в золоте? Если прогонишь из дум твоих всю эту мишуру, словно утреннее облачко, которое пролетает и испаряется, тебе явится голый человек, бедный, несчастный и достойный сожаления, человек, страдающий от того, что он человек, стыдящийся своей наготы, плачущий о рождении, жалующийся на то, что он вообще существует, человек, явившийся на свет для тягот, а не для почестей, человек, родившийся от женщины, следовательно, во грехе, человек, живущий недолго и поэтому в страхе, в бесконечных несчастиях и поэтому в плаче»³⁹.

Это предупреждение Бернарда запомнили. Через десять лет первый в истории папа из англичан, Адриан IV (1154–1159), говорил о тяготах папского служения в таких выражениях, которые стоит привести. Мы знаем их в передаче Иоанна Солсберийского⁴⁰. Рассуждая о традиционно употреблявшемся тогда в отношении папы титуле «раб рабов божьих», *servus servorum Dei*, он пишет: «Кто-нибудь сомневается, что папа – раб рабов? Призываю в свидетели господина нашего Адриана, да осчастливит Господь его дни. По его мнению, нет человека несчастнее римского понтифика, никто не сравнится с ним в тяжести его положения. Не имей он прочих проблем, его все равно сломила бы тяжесть трудов. Он признался мне, что на кафедре Петра нашел столько тягот, что все предыдущие выпавшие на его долю испытания по сравнению с этими кажутся временем счастья и полной безмятежности. Он нередко повторяет, что римский трон усеян шипами, папская мантия украшена колючками и весит столько, что раздавит и сломит самые сильные плечи, а корона и тиара сверкают лишь потому, что горят огнем. И добавляет, что, если бы не страх послушаться решения Бога, он никогда не оставил родной Англии, где и жил бы в тиши обители святого Руфа вместо того, чтобы столкнуться со всеми этими неприятностями. Он еще жив, пусть всякий сам спросит, а кто спрашивал – тому можно верить. Папа много раз говорил мне, что его восхождение от простого монаха через все ступени к папскому трону ничего не прибавило к счастью и спокойствию его прежней жизни.

---

et timor eius qui aufert spiritum principum semper sit ante oculos tuos. Quorum in brevi Romanorum pontificum mortes tuis oculis aspexisti? Ipsi te praedecessores tui tuae certissimae et citissimae decessionis admoneant, et modicum tempus dominationis eorum, paucitatem dierum tuorum nunciet tibi. Jugi proinde meditatione inter huius transeuntis gloriae blandimenta memorare novissima tua, quia quibus successisti in sedem, ipsos sine dubio sequeris ad mortem». Jacqueline B. *Episcopat et papauté chez saint Bernard de Clairvaux*. Sainte-Marguerite-d'Elle, 1975. P. 196. Канцеляри утврђдаје: «Размышления св. Бернарда замечательны, потому что ни один понтифик не достиг 25 лет, о чем он пишет Евгению III в "О размышлении" (lib. 3. cap. 2. sect. 5. epist. 104), где спрашивает его, сколько смертей пап он видел недавно в Риме». Последняя фраза из цитированного письма 238, но невозможно найти фразу о 25 годах, она отсутствует в трактате «О размышлении». Cancellieri F. *Storia de' solenni possessi dei sommi pontefici detti anticamente processi o processioni dopo loro coronazione dalla basilica Vaticana alla Lateranense*. Roma, 1802. P. 54. N. 1.

³⁹ Bernardus Claraevallensis. De consideratione. II, IX, 18. O contemptus mundi см.: Bultot R. Op. cit.; Sot M. Mépris du monde et résistance des corps aux XIe et XIIe siècle // *Médiévaux*. Vol. 8. 1985. P. 6–17.

⁴⁰ Johannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici sive De nugis cvrialivm et vestigiis philosophorum libri VIII. VIII. XXIII / Ed. C.I. Webb. Oxford, 1909. P. 814–815.

А поскольку, когда я рядом с ним, он ничего не желает от меня скрывать, скажу его же словами: «Господь всегда клал меня между молотом и наковальней, но теперь, если сжалится надо мной, пусть десница его поддержит ношу, которую Он взвалил на немощь мою, ибо мне ее не вынести»⁴¹.

Это, судя по всему, самое раннее сознательное изъятие смирения со стороны папы римского. Позже его подхватил Петрарка в одном из «Писем о делах семейных»: «Не слишком известно высказывание Адриана IV, которое я прочел в каком-то сборнике философских безделиц. Он говорил, что нет никого несчастнее понтифика, что нет положения худшего, хотя никто его не оскорбляет, что ему несомненно *очень скоро придется уйти из жизни* просто в силу усталости от забот... Папскую кафедру он называл усыпанной шипами, а мантию, утыканную колючками, считал ношей, способной ослабить и раздавить самые сильные плечи. Он говорил еще, что корона и тиара сверкают потому, что горят огнем, добавляя, что, поднимаясь в иерархии от монастыря к папскому служению, он не приобрел никакого покоя, никакой тишины по сравнению с предыдущей своей жизнью»⁴².

Первым длительным понтификатом после Пасхалия II стало правление Александра III (1159–1181). Внимательный к числам французский хронист Роберт из Ториньи открыто указывает на дамианиевский топос и заявляет, что лишь трое из 174 наследников Петра приблизились к двадцати пяти годам его правления: Сильвестр I (314–337) и Адриан I (772–795) правили по двадцать три года, Александр III – двадцать два. Необычная продолжительность последнего понтификата нуждалась в объяснении, которое хронист различает, как и биограф Пасхалия II, «в особой милости Провидения»⁴³.

После двухвекового перерыва⁴⁴ вспомнили о «годах Петра» в связи с Бенедиктом XIII (1394–1423)⁴⁵. Педро де Луна умер в Пеньисколе 23 мая 1423 года после 29-летнего правления, не приняв низложения, решение о котором 26 июля 1417 года принял Констанцкий собор. Тем самым аксиома Дамиани была оспорена, а с ней и один из столпов самоуничтожения понтификов. Правда, Бенедикта XIII официальная папская историография XV века не признавала. Более того, как раз тот факт, что его «понтификат» превзошел «годы Петра», стал аргументом для посмертного осуждения, *damnatio memoriae*. По мнению Антонина Флорентийского (1389–1459), «Бенедикт Отступник... в упрямстве своем себе на погибель превзошел годы Петра, и ничего удивительного – он не только не умер на престоле Петра, но на смертном одре пожелал избрать себе преемника»⁴⁶.

⁴¹ Giovanni di Salisbury. Policraticus. L'uomo di governo nel pensiero medievale. Milano, 1984. P. 297–298. Тема тяжести папского служения нашла необычное освещение в символической интерпретации папского паллия, развитой Гилюмом Дюраном. Его нагрудная часть символизирует «заботы и тревожения папы, которыми все время исполнены его сердце и грудь». Rationale divinatorum officiorum. III, XVII, N. 4. Venetiis, 1568.

⁴² Francesco Petrarca. Le Familiari. IX, 5 / ed. V. Rossi. Firenze, 1933. P. 229. Dotti U. Un copricapo più leggero per Bonifacio VIII // Belfagor. Vol. 32. 1977. P. 459–462. Уго Дотти отсылает к «Мистерии-буфф» Дарио Фо (1969), где Бонифаций VIII на время преспокойно снимает митру («ох и тяжела же она!») и берет головной убор полегче. Нахлобучив шапку, он восклицает: «а эта ничего!».

⁴³ Robertus de Torineio. Chronica // MGH. SS. Bd. VI. S. 531.

⁴⁴ Имеется в виду топос 25 лет Петра, а не тема краткости, периодически возникавшая. Биргитта Шведская утверждает, что Христос велел ей сказать Урбану V (1362–1370): «Время твое кратко, бодрствуй и следи за тем, чтобы спаслись вверенные тебе души». Revelationes Sanctae Birgittae. Reuelaciones extrauagantes. Cap. XLIV / Ed. L. Hollmann. Uppsala, 1956. P. 160.

⁴⁵ Magri D. Hierolexicon. Roma, 1677. P. 444: Д. Магри отсылает к некому «древнему обычаю, согласно которому во время коронации папы вспоминали такие слова: святой отец, ты не увидишь дней Петра». Ср.: Sarnelli P. Lettere Ecclesiastiche. Vol. VI. Venezia, 1716. P. 71–73 (Lettera XXXVI: perché si dica del Papa: Non videbit dies Petri). Медзадри оспорил существование обряда, не зафиксированного ни средневековыми, ни современными ему источниками. Mezzadri B. Dissertatio critica-historica de vigintiquinque annis Romanae Petri Cathedrae adversus utrumque Pagium. Romae, 1750; Papenbroch D. Conatus chronico-historicus ad catalogum Romanorum pontificum. AASS. Maii VIII. Col. 14. Канцельери тоже отверг «устаревшее мнение, что новому папе говорили Non videbis dies Petri, чтобы предупредить его, что ему не прожить более 25 лет, самый долгий срок, который различные мнения о его служении ему приписывали». Cancellieri F. Op. cit. P. 54.

⁴⁶ Antoninus, archiepiscopus Florentinus. Chronicon. Titulus XXII. Cap. VII. Lugduni, 1586. P. 486: «Benedictus autem

Исключение Бенедикта XIII из числа законных пап спасло аксиому, и ее самоуничижительный смысл оставался понятным. Однако ее верность впервые всерьез была поставлена под сомнение. Возможно, поэтому испанский богослов Родриго Санчес де Аревало († 1470) решил критически разобрать всю аргументацию Петра Дамиани. Его «Зерцало человеческой жизни» тоже посвящено папе римскому – Павлу II (1464–1471)⁴⁷. Аревало интересуется вопросом, «почему краткость жизни свойственна понтификам в большей мере, чем другим государям». Эту краткость он описывает как «страшное несчастье»: «Смерть похищает первосвященников очень скоро после избрания, ни один из наследников апостола Петра, руководившего церковью около пяти пятилеток, не достиг столь долгого правления». Историческую аргументацию Дамиани Аревало заимствует без изменений, но добавляет, что «даже сегодня восседающие на римском престоле достигают порога в несколько лет»⁴⁸.

Оригинальность взгляда испанского богослова не в представлении каких-то новых объяснений разумности Провидения, сокращающего дни понтификов: недолго живущие папы следуют примеру Христа, «лишенного жизни посередине земного пути». «Жизнь принадлежит бессмертному Богу, и Он самым справедливым образом дарует ее своим верным слугам, дабы никто не возгордился полученной милостью, а другие не завидовали чужому счастью». У наместника Христа божественный промысел отнимает долготу дней, «чтобы он не возносился от такого счастья»⁴⁹. Его размышления интересны тем, что в них систематически критикуется слишком однозначная дамианиевская концепция «краткости жизни пап», которую Аревало не склонен считать исключительной «прерогативой римской кафедры». Эта краткость, считает он, даже противоречит единству Церкви, потому что безвременные кончины пап провоцируют расколы. Ранняя смерть предстоятеля – не «свойство кафедры», потому что церковь «непрерывна», значит, краткость дней «того, кто занимает трон Петра», абсурдно считать чем-то обязательным».

Цель этой критики совершенно определенная: предупредить понтификов, что они увидят «долгие счастливые дни», только если будут править Церковью, помышляя о ее чести: «если римский понтифик правит церковью праведно и благочестиво, он живет долго, даже если понтификат его непродолжителен, ведь он заслужил эти годы правления, ставшие для него временем жизни». В противном же случае, «даже если правление его длится сто лет, кратким будет его срок в управлении церковью, потому что все эти годы были временем смерти». Если он проведет свой понтификат бессмысленно и предосудительно, тогда «его жизнь коротка», напротив, «понтифик, богобоязненно правящий Церковью, всегда помнит о смерти, жаждет ее, потому что не живет долго тот, кто жизни не ценит»⁵⁰.

Apostaticus relictus ab omnibus in insulam Paniscolae cum paucis se contulit, ubi manens in sua pertinacia transivit annos Petri ad cumulum suae damnationis: nec mirum, quia non in sede Petri, moriensque docuit eligendum unum».

⁴⁷ Первое издание: Roma, C. Sweynheym, A. Pannartz, 1468 (= Hain-Copinger *13939). За ним последовало еще пятнадцать за 20 лет (1468–1488). Мы пользовались этим изданием: Rodorici episcopi Zamorensis... Speculum vitae humanae... intermixto de brevitate vitae pontificum Romanorum. Lib. II. Cap. 1–7. Frankfurt, 1689. S. 201–257. Рассуждение о краткости жизни папы занимает целых три главы второй книги и представляет собой отдельный трактат, если так можно интерпретировать общее название. См.: O'Malley J.W. Praise and Blame in Renaissance Rome. Rhetoric, Doctrine, and Reform in the Sacred Orators of the Papal Court, c. 1450–1521. Durham, North Carolina, 1979. P. 179.

⁴⁸ Rodorici. Op. cit. P. 226: «De causis et rationibus huius brevitatis vitae in eisdem summis Pontificibus, potius, quam in aliis Monarchiis et Principatibus... Rapiuntur quidem summi praesules, et citissime post assumptionem moriuntur: adeo ut post eorum praecessorem Petrum Apostolum, qui per quinque circiter annorum lustra Ecclesiae praefuit, nullus post cum Successor hoc spatium pontificatus aequavit... Quinimo si moderna libet tempora contemplari: vix ad Romanum sedis culmen evehitur, qui paucorum metas transcendat annorum».

⁴⁹ Ibid. P. 230: «in dimidio annorum suorum ab hac luce subtractus»; 230: «sed et cum aequissimus arbiter existat, ita suis ministris et fidelibus vitam distribuit, ut nec alter ex recepto beneficio superbiat, nec alii ejus felicitati invident»; 226: «Quae siquidem brevis vitae necessitas, cum dignitati annexa videatur, merito apud homines natura ipsa vivere cupidos, praecipue sedentes in ea cathedra omnium mortalium infeliciores, et calamitosiores reputandi sunt».

⁵⁰ Ibid. P. 250: «Inferimus brevissimas duas conclusiones. Prima est, quod Romanus Pontifex recte et pie praesidens, licet paucis annis post Papatum in mundo fuerit, longo tamen tempore vivit, cujus ratio est, quia totum tempus sui pontificatus sibi lucratus est,

У Санчеса де Аревало тоpos «краткости дней» становится мотивом личного исправления. Папа стоит перед дилеммой: либо он максимально подчиняет свое земное существование духовным ценностям, либо его понтификат, *tempus pontificatus*, превращается в ничто, из жизни переходит в смерть. Моральная составляющая явно превалирует здесь над ритуальной или риторической. Неважно, кратка ли жизнь или продолжительна. Важен дух, не тело. Церковь не нуждается в таком внешнем признаке, как краткость жизни папы, потому что на первом месте оказывается моральное и политическое поведение предстоятеля. Не нужен ей и другой предлагавшийся Дамиани инструмент – тот ужас, который должны вызывать частые смерти пап: «нас больше огорчает преждевременная смерть какого-нибудь цветущего юноши, чем естественный уход старца»⁵¹. Папа должен жертвовать жизнью ради церкви, только так он может заслужить долгих дней, отказываясь от продолжительности физической жизни ради действенного служения. Жизнь понтифика коротка, и продлить ее можно только духовно. Действенное, активное служение – вот что превращает краткость в продолжительность. Поэтому Аревало, обращаясь к самому Павлу II, не боится бросить суровое обвинение против «римских первосвященников, которые боятся смерти, жалуются, жить хотят... не потому что покидают жизнь, а потому что у них ее отнимают. Жалуются, что прожили мало, потому им вообще не хочется умирать. Не следует им обманывать себя желанием продлить свои дни»⁵².

В XVI–XVII вв. тоpos «лет Петра» ждали новые испытания. Павлу III (1534–1549) Пьетро Аретино желает их преодолеть:

По чину и заслугами своими
Он времени велит вернуться вспять,
Чтобы Петру годами ровней стать⁵³.

Примерно в те же годы итальянский медик Томмазо Рангони из Равенны посвящает Юлию III (1550–1555), Павлу IV (1555–1559) и Пию IV (1559–1565) необычное сочинение о том, как продлить жизнь пап до 120 лет и больше. К каждому избранию он выпускает новое издание трактата, меняя лишь фронтиспис. В приложении он объясняет, что папа «увидит годы Петра и даже больше» благодаря некоему эликсиру и другим парамедицинским средствам⁵⁴.

Новое прочтение мы находим при Урбане VIII (1623–1644). Говорят, когда он лежал на смертном одре, какой-то клирик тихонько сказал ему: «Ты не увидишь лет Петра». Папа тут же отвечал: «Не верится»⁵⁵. Однако тоpos не позабыли: в 1726 году бельгийский ораторианец Гильом де Бюри в популярной истории понтификов указывает, что Лев X, взошедший на трон

---

fuitque sibi idem tempus vivum. Secunda conclusio est, quod si Romanus Pontifex non recte nec pie in Papatu vixerit, licet centum annis in eodem Pontificatu fuerit, tamen non diu, imo brevissimo tempore censendus est praesidere: cujus ratio est, quia residuum imo totum tempus sui pontificatus mortuum est». P. 251: «Papa igitur, si inutiliter et reprehensibiliter in Papatu vivit, parum vivit». P. 256: «Cum ergo Romanus Pontifex pie regit, semper in ejus meditatione mortem praestolatur, illamque exoptat, quare recte parum vivit, quia parum vitam existimat».

⁵¹ Ibid. P. 249: «Dicimus enim, quia hac utilitate ex tali verisimili timore provenienti non eget Ecclesia»; «Plusque moeroris et plurimorum florentium juvenum praematura morte concipimus, quam ex senis unius naturali morte, maximis curis et sollicitudinibus constipati».

⁵² Ibid. P. 249. «Or per più grado suo, per più suo merto / Fa forza al tempo e lo ritorna indietro / Perché ei varchi d'assai gli anni di Pietro». Посвящение к трагедии «Орация» 1 сентября 1546 года. Цит. по: Besso M. Roma e il Papa nei proverbi e nei modi di dire. Roma, 1904. P. 201.

⁵³ О различных изданиях «О том, как продлить жизнь человека больше, чем на 120 лет», De vita hominis ultra CXX annos protrahenda, см.: Marini G. Degli architri pontificij. Vol. I. Roma, 1784. P. 339.

⁵⁴ «Я читал у Лодовико Анастасио, что какой-то родственник Урбана VIII тихонько сказал тому, когда тот лежал на смертном одре: «ты не увидишь лет Петра», non videbis dies Petri, то есть, что тому не достичь 25 лет понтификата св. Петра; у папы же слух был отменный, и он сразу ответил: «Не верится», Non est de fide». Moroni. Vol. LXXXVI. P. 68. Storia degli Antipapi. T. 2. Napoli, 1754. P. 264. Besso M. Op. cit. P. 200.

⁵⁵ Burio G. (Guillaume de Bury). Romanorum pontificum brevis notitia. Padova, 1726. P. 364: «Sint licet assumpti uvenes ad Pontificatum, Petri annos potuit nemo videre tamen».

в тридцать лет, «вскоре умер, всего лишь сорокалетним», и комментирует, словно припоминая слова Дамиани: «Даже избранные в молодости понтифики не видят лет Петра»⁵⁶.

На рубеже XVIII–XIX вв. два понтифика, один за другим, приблизились к «годам Петра». Последний понтификат XVIII столетия – Пия VI (1775–1799) – продлился почти как служение св. Петра: 24 года, 6 месяцев, 14 дней. Этот факт приветствовали как божественное решение, доброе предзнаменование для церкви: «Сильвестр I, Лев III, Адриан I, Лев III, Александр III и Пий VI жили дольше других потому, что особо радели о делах церкви»⁵⁷. Исполненные энтузиазма дистихи приветствовали и его преемника Пия VII (1800–1823), который тоже почти достиг пресловутого срока⁵⁸. Правда, примерно тогда же двадцатипятилетний понтификат св. Петра был поставлен под сомнение: целый ряд энциклопедий, не только непосредственно связанных с историей папства, указывал на тридцать два года, то есть на один год меньше, чем возраст Христа на момент Страстей⁵⁹.

Первым «лет Петра» достиг Пий IX (1846–1878). Папа, созвавший I Ватиканский Собор, отпраздновал двадцать пятый юбилей понтификата в 1871 году. Это произошло всего через несколько лет после 1800-летней годовщины смерти апостола Петра (1867) и через 800 лет после того, как Дамиани открыл правившему понтифику непреложный закон истории (1064). Событие не прошло незамеченным: в память о достижении Пием IX «лет Петра» памятные надписи поместили в главных римских базиликах (Сан Джованни ин Латерано, св. Петра и Санта Мария Маджоре) и некоторых церквях (Санта Мария ин Виа Лата, Сан Теодоро)⁶⁰. Чтобы узаконить окончательную девальвацию топоса, предсмертная фраза Урбана VIII превратилась в пророчество постфактум: уже в начале понтификата Пий IX якобы объявил, что «годы Петра» как норма – «не по вере»⁶¹.

Лев XIII (1878–1903) тоже отпраздновал двадцатипятилетие правления 4 марта 1903 года. Топос Дамиани окончательно потерял самоуничужительную функцию.

Предостерегающая гробница и звон костей

После этого калейдоскопа длиной в девять веков вернемся в начало XII столетия.

Чтобы подкрепить свою теорию краткости жизни, Петр Дамиани обратился к событиям папской истории и к византийскому императорскому церемониалу. Через несколько десятилетий тема бренности расцвела в новом контексте, в виде легенды о гробнице знаменитого папы, расположенной к тому же в соборной церкви римского епископа – Латеранской базилике. Разговор о смерти папы, а значит, и о краткости его жизни, вышел за рамки морали, которой он подчинялся у Дамиани, а стал предметом народного поверия.

В середине XII столетия в известной легенде о Герберте, папе Сильвестре II (999–1003), возникает один примечательный элемент: его гробница испускает влагу, предвещая близящуюся смерть правящего папы⁶².

⁵⁶ Simone de Magistris. *Acta martyrum ad Ostia Tiberina*. Roma, 1795. P. 418: «ut Ecclesiae prodessent diutius Petri Cathedram tenuerunt; idque divinitus renovatum conspicimus in Pio VI». Cancellieri F. *Op. cit.* P. 54. N. 3.

⁵⁷ Moroni. LIV. P. 112: «Septimus ille hic est factus, qui rector in orbe / componet fausto numine cuncta, Pius. / Sextus ut ante Pius Petri superavit et annos, / Sic Sexti superet Septimus ipse dies». Ср.: Besso M. *Op. cit.* P. 200–201.

⁵⁸ Bouillet M.N. *Dictionnaire universel d'histoire et de géographie*. P., 1851 (8a ed.). P. 1343. Энциклопедия Robert «традиционным» числом считает 32 года. Этой информацией мы обязаны Жан-Даниэлю Мореро из Лозаннского университета.

⁵⁹ Huetter L. *Iscrizioni della città di Roma dal 1871 al 1920*. Vol. II. Firenze, 1959. P. 295–297.

⁶⁰ Besso M. P. 200–201. Ср.: Schmidt T. *Op. cit.* S. 183.

⁶¹ Легенда о Герберте недавно заново изучена Oldoni M. *Gerberto e la sua storia* // *Studi Medievali*. Serie 3. Vol. 18. 1977. P. 629–704; Id. *A fantasia dicitur fantasma (Gerberto e la sua storia)* // *Ibid.* Vol. 21. 1980. P. 493–622; Vol. 24. 1983. P. 167–245. См. также: Riché P. *Gerbert d'Aurillac, le pape de l'an mil*. P., 1987; Gerberto. *Scienza, storia e mito*. Bobbio, 1985.

⁶² Guillelmus Godellius. *Chronicon* // MGH. SS. Bd. XXVI. S. 195: «Huius vero nunc antistitis sepulcrum fertur tale indicium de Romani pontificis morte conferre, ut paululum, antequam ipsius instet finis, tantam de se humoris inundantiam effundat, ut in circuitu

Вильям Годел в «Хронике, написанной в 1135–1175 гг., рассказывает, что с приближением кончины понтифика из гробницы Сильвестра II, стоящей в базилике св. Иоанна в Латеране, исходит столько влаги, что вокруг все покрывается грязью. Если же наступает час кардинала или другого высокопоставленного клирика Апостольского престола, то гробница, как можно видеть, вся словно обрызгана водой. Верить этому слуху или нет, Годел предоставляет читателю⁶³. Иерархия подчеркивается и у другого английского писателя, Вальтера Мапа (1135–1200). Согласно «Забавам придворных», когда уход папы неминуем, на землю вытекает настоящий ручей воды, когда же смерть ожидает другого знатного человека, гроб потеет в пять раз меньше⁶⁴. Таким образом, количество влаги, источаемой гробницей Сильвестра II прямо пропорционально достоинству прелата, смерть которого она объявляет.

В Риме о влаге, источаемой могилой Сильвестра II, говорит только дьякон Иоанн. В «Описании Латеранской базилики», составленном для Александра III (1159–1181), он замечает, что исход влаги вызывает удивление. Иоанн сам удивляется и, судя по всему, предполагает здесь какую-то сверхъестественную причину. Неважно, откуда здесь вода: «В Латеранском портике лежит архиепископ Реймса Герберт, названный Сильвестром, когда стал папой. Часто, даже когда небо ясное, его гробница источает капли воды, хотя стоит она не на влажном месте, и это явление вызывает всеобщее любопытство»⁶⁵. Таким образом, легенда уже распространилась, но о пророческой функции саркофага латеранский дьякон не говорит. Почему? По незнанию или сознательно – сказать трудно. Ясно, что пишет он для папы – Александра III – и для прославления Латеранской базилики, авторитет которой серьезно пошатнулся в то время из-за враждебности каноников базилики св. Петра в Ватикане.

Почему же роль вестника смерти пап и кардиналов отвели саркофагу Герберта?

Объяснение следует искать в истории Латеранской базилики, в которой поместили гробницу Сильвестра II, этого «папы 1000 года». Между 496 и 824 гг. все папы, кроме трех, находили вечный покой в ватиканской базилике св. Петра. В X веке обычай прервался: Иоанн X (914–928), Агапит II (946–955), Сильвестр II (999–1003) и два его преемника – Иоанн XVII (1003) и Сергей IV (1009–1012) – были погребены в Латеране⁶⁶. Начиная с Пасхалия II (1099–1118) заканчивая Целестином III (1191–1198) в базилике хоронили почти всех пап: из двена-

---

sui lutum faciat. Si vero cardinalis aliquis vel persona quelibet magna in cetu clericorum summe sedis migrare per mortem debet, super se sepulchrum tantum aque emittat, ut irrigari videatur. Nec de prefato Gerberto papa ab aliis audivi; utrum vero sint subnixta veritate, lectoris arbitrio inquirenda derelinquo».

⁶³ «Краткий жизни своей остаток Герберт искренно освятил прилежным и суровым покаянием и скончался в добром исповедании. Он погребен в церкви блаженного Иоанна Латеранского в мраморной гробнице, что непрестанно покрывается испариной, но капли сливаются в струю лишь ради того, чтобы предречь кончину кого-нибудь из римских богачей. Говорят, когда папе предстоит переселиться из этого мира, ручеек стекает на землю, а когда кому-нибудь из знати – изливается до третьей, четвертой, даже до пятой части высоты, как бы обозначая достоинство каждого струею скудней или обильней». Вальтер Мап. Забавы придворных / Пер. Р.Л. Шмараква. СПб., 2020. С. 143. Ср. у Альберика из Трех Источников: MGH. SS. Bd. XXIII. S. 777: «Quod autem tumba eius guttas quasi lacrimarum emittat, quando aliquis papa vel aliquis cardinalis magnus mortuus est, satis probatum est et satis vulgatum».

⁶⁴ Diacono Giovanni. Liber de Ecclesia Lateranensi // Valentini R., Zucchetti G. Codice topografico della città di Roma. Vol. III. Roma, 1946. P. 348: «In eadem quoque porticu iacet Gerbertus, Remorum archiepiscopus, qui, papa effectus, Silvester est appellatus: cuius saepe sepulchrum, etiam in serenissimo aëre, cum non sit in humido loco, aquarum guttas (quod satis est hominibus admirandum) visibiliter emanat». Первая редакция «Описания» появилась вскоре после понтификата Александра II (1061–1073). Ibid. P. 318–325. См. также: Graf A. Miti, leggende e superstizioni del Medio Evo. Vol. II. Torino, 1893. P. 33–34.

⁶⁵ Отказ от ватиканского некрополя стал важным новшеством: Иоанн X первым завещал похоронить его в черте города, intra muros. Но в X веке Латеран еще не был настоящим папским некрополем. Некоторые могилы по-прежнему размещали в Ватикане и других римских базиликах: Иоанн XIII († 972) оказался в Сан Паоло фуори ле мура, Бенедикт VII († 983) – в Санта Кроче ин Джерузалементе, Дамас II († 1048) – в Сан Лоренцо фуори ле мура. Picard J.-Ch. Étude sur l'emplacement des tombes des papes du IIIe au Xe siècle // Mélanges d'archéologie et d'histoire. Vol. 81. 1969. P. 725–782; Herklotz I. "Sepulcra" P. 91–92; Borgolte M. Petrusnachfolge und Kaiserimitation. Die Grablegen der Päpste, ihre Genese und Traditionsbildung. Göttingen, 1989. S. 127–137.

⁶⁶ «Папская книга» объясняет решение Пасхалия II тем, что Латеранская базилика – «настоящая резиденция папы». LP. Vol. II. P. 305: «ab ipsis patribus honorifice est deportata in basilicam Salvatoris, in sede propria, in patriarchio, dextro latere templi, in mausoleo purissimi marmoris talapsico opere sculpto». Herklotz I. Op. cit. P. 91–97. Borgolte M. Op. cit. S. 354–355; Stroll M. Symbols as Power. The Papacy following the Investiture Contest. Leiden, 1991. P. 185–187.

дцати понтификов XII века десять нашли вечный покой здесь, и титулярная церковь римского епископа превратилась в папский некрополь⁶⁷.

Иннокентий II (1130–1143) и Анастасий IV (1153–1154) обзавелись порфирными саркофагами, и это стало настоящим открытием «имперского» гранита на латинском Западе⁶⁸. Первый приказал перенести из Замка святого Ангела в Латеран – бывший мавзолей императора Адриана⁶⁹. Второй переместил туда же с Лабиканской дороги саркофаг Елены, матери Константина, со всех сторон украшенный рельефами с мотивами триумфа⁷⁰. Это странное решение он оправдывал тем, что усыпальница святой императрицы была некогда разграблена и останков ее там уже не было⁷¹.

Выходит, что пророческая функция могилы Сильвестра II не противоречит погребальным обычаям понтификов, явно подражавших императорам?⁷² А легенда о «папе-чародее», предвещающем смерть, оказывается в полном согласии с новым желанием пап умирать и покоиться в земле, как императоры – в основанной Константином Латеранской базилике. Разве не был Сильвестр II одним из важнейших советников Оттона III († 1002), возрождавшего империю в 1000 году?⁷³

⁶⁷ Deér J. *The Dynastic Porphyry Tombs of the Norman Period in Sicily*. Cambridge (Mass.), 1959. P. 146–154.

⁶⁸ Ibid. P. 152. Факт запомнился современникам. Четыре автора свидетельствуют, что папу похоронили в порфирном саркофаге, служившем некогда могилой императору Адриану. Herklotz I. *Op. cit.* P. 97. N. 67. Кардинал Джерардо, будущий Луций II, в 1137 году пишет Иннокентию II: «Церковь избрала и венчала тебя императором (caesarem) и повелителем мира». Цит. по: Caspar E. *Petrus Diaconus und die Monte Cassinenser Fälschungen*. Berlin, 1909. S. 258; Deér J. *Op. cit.* P. 148. N. 112. О хвалебных laudes имперского типа по отношению к Иннокентию II см.: LC. Vol. II. P. 173. См. также: Herklotz I. *Der Campus Lateranensis im Mittelalter // Römisches Jahrbuch für Kunstgeschichte*. Bd. 22. 1985. S. 13–14; Kantorowicz E.H. *Laudes Regiae: A study in Liturgical Acclamations and Mediaeval Ruler Worship*. Berkeley, Los Angeles, 1946. P. 129, 143; Stroll M. *Op. cit.* P. 183.

⁶⁹ Победенные воины, скованные и с опущенными головами идут впереди процессии победителей на конях. Эта иконография восходит к римскому императорскому церемониалу. Herklotz I. *Op. cit.* P. 116, 124–128.

⁷⁰ Deér J. *Op. cit.* P. 151.

⁷¹ «Описание Латеранской базилики» называет папу «имперским епископом, imperialis episcopus: Valentini R., Zucchetti G. *Op. cit.* P. 345. Канонисты XII в. Старались обосновать концепцию папы как «истинного императора», verus imperator. См.: Stickler A.M. *Imperator vicarius papae. Die Lehren der französisch-deutschen Dekretistenschule des 12. und beginnenden 13. Jahrhunderts über die Beziehungen zwischen Papst und Kaiser // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. Bd. 62. 1954. S. 165–212; Stroll M. *Op. cit.* P. 180–192. Могилы Евгения III (1145–1153) и Адриана IV (1154–1159) в базилике св. Петра тоже отсылали к имперскому символизму порфира: первая была из гранита, который мог восприниматься аналогом порфира, вторая – из нескольких сортов камня, среди которых наверняка и порфир. Надгробный камень Луция III († 25 ноября 1183 г.) в Веронском соборе – веронский красный мрамор – тоже по цвету близок порфиру. Herklotz I. *Op. cit.* P. 114–116. Последнюю точку зрения не поддерживает Гарднер: Gardner J. *The Tomb*. P. 30. Два ангела возлагают тиару на голову папы, то есть покойный изображен во время коронации небесными силами, божеством. Обращение к византийской имперской иконографии, как верно заметил Херклоц, означало «глубинное отождествление папской власти с императорской». В XIII веке традиция порфирных папских саркофагов продолжилась: Гонория III (1216–1227) похоронили в Санта Мария Маджоре в «порфириновом саркофаге», concha porphyretica. *Catalogus pontificum Romanorum Viterbiensis // MGH. SS. Bd. XXII*. S. 352; Deér J. *Op. cit.* P. 152. Карл I Анжуйский для могилы Иннокентия V († 1276) велел своему римскому викарию отыскать «саркофаг из порфира или иного красивого камня», достойного латеранских гробниц. Laurent M.-H. *Le bienheureux Innocent V (Pierre de Tarentaise) et son temps*. Città del Vaticano, 1947. P. 418. N. 14. В 1177 году в Венеции Александр III принял покаянную проскинезу Фридриха Барбароссы, стоя на порфирном круге, который и сейчас можно видеть перед базиликой св. Марка (Deér J. *Op. cit.* P. 155). Согласно «Императорскому коронационному чину С», во время «осмотра», scrutinium, папа и император сидели на тронах, ставившихся на широкий круг в базилике св. Петра. Уже при Пасхалии II, в ключевой момент борьбы за инвеституру, систематическое применение порфирных четверолистников в украшении полов римских церквей четко говорило об imitatio imperii. Glass D. *Papal Patronage in the Early Twelfth Century. Notes on the Iconography of Cosmatesque Pavement // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 32. 1969. P. 386–390.

⁷² Schramm P.E. *Kaiser, Rom und Renovatio*. Leipzig, Berlin, 1929.

⁷³ Martinus Polonus. *Chronicon pontificum et imperatorum // MGH. SS. Bd. XXII*. S. 432: «Sepultusque est in ecclesia Lateranensi, et in signum misericordie consecute sepulchrum ipsius tam ex tumultu ossium, quam ex sudore presagium est morituro pape, sicut in eodem sepulchro est litteris exaratum». Известно, что легенда об испарине на могиле Сильвестра II и гробе костей родилась из неправильного прочтения надписи, помещенной на ней одним из его преемников – Сергием IV (1009–1012). Первая строка заканчивалась словами, намекавшими на звук трубы в день, когда придет Господь: venturo Domino conferet ad sonitum. Valentini R., Zucchetti G. *Op. cit.* Vol. III. P. 348. N. 5. Эпитафия, найденная в 1648 году, сохранилась: LP. Vol. II. P. 263. N. 4. Слово сочетание venturus Dominus, «грядущий Господь», истолковали как «будущий папа», и его приход действительно должен был возвестить какой-нибудь звук. Версия Мартина прижилась. В XIII веке ее воспроизвели «Цветы времени». Flores temporum, ed. O. Holder-Egger // MGH. SS. Bd. XXIV. S. 245: «Ubi dum celebraret, ex demonum strepitu mortem

В конце XIII столетия легенда обрела новые черты. Доминиканец Мартин Поляк († 1278) упоминает ее в «Хронике императоров и пап», но к «потению» могилы добавляет, что в ней еще и кости шумят: Сильвестр II «возлежит в Латеранской базилике, и в знак особой достигнутой им благодати его могила возвещает о близящейся кончине папы шумом костей и влагой, о чем написано на гробнице»⁷⁴. Почему влага оказывается у Мартина на втором месте? Дело в том, что в его столетии большинство пап умерло вне Рима, а Латеран перестал быть папским некрополем. Кроме того, с самого начала этого века Ватиканский холм стал альтернативной резиденцией, в том числе, для куриальной администрации. Выстроенный Иннокентием III (1198–1216) ватиканский дворец был расширен Иннокентием IV (1243–1254) и перестроен Николаем III около 1280 года⁷⁵. Незаметно Поляк снимает привязку к месту: предупреждение исходит уже не только от влаги, сочащейся из (латеранского) гроба Сильвестра II, но и от дрожащего тела папы, которое и предвещает неминуемую кончину правящему понтифику – единственному адресату послания. Исчез у него и элемент иерархии, намек на кардиналов.

Папирусная подушка

Первые десятилетия XII века, в которые нас привела легенда о Сильвестре, особенно важны для истории жестов самоуничтожения римского понтифика. Написанный в 1140–1143 гг. XI чин (ordo XI) каноника Бенедикта, первый свод ритуалов Римской церкви после Григорианской реформы, содержит ряд обрядов, на которые нам следует обратить самое пристальное внимание.

Бенедикт описывает среди прочего курьезную церемонию, проходившую ежегодно в Пепельную среду. В этот день папа босиком отправляется в базилику Санта Сабина на Авентине. В конце мессы клирик берет лист папируса, обмакивает его в масле лампадки, затем старательно очищает и уносит в Латеранский дворец до возвращения туда понтифика⁷⁶. Здесь он обращается к нему со словами: «Благослови, владыко». Получив благословение, клирик объявляет: «Сегодня стационарное богослужение совершено в Святой Сабине, она приветствует тебя». «Богу хвала», отвечает папа. Служка передает ему папирус. Благоговейно облобызав листок, папа вручает его келейнику, чтобы тот хранил его до смерти понтифика. Из таких папирусов складывается подушка, которую затем положат ему под голову в могилу⁷⁷.

Несмотря на некоторые источниковедческие сложности, нужно заметить, что этот погребальный ритуал, сконцентрированный исключительно на фигуре папы, удивительным образом напоминает одну древнеримскую имперскую традицию⁷⁸. Помпей Фест рассказывает, что из

---

timens, publice confessus est; et pedibus ac manibus amputatis, super bigam cum equo domito positus, ad Lateranensem ecclesiam est devectus. Cuius sepulchrum insudat vel strepit, quando papa mortuus est; et hoc est in signum misericordie consecute». За ними последовали в начале XIV века «Хроника первосвященников» Льва из Орвьето, доведенная до 1312 года (Graf A. Vol. II. P. 74–75), и «История римских пап» Рикобальдо Феррарского (RIS. Vol. IX. P. 172–173). В XV веке она закрепилась в новой версии «Папской книги» (LP. Vol. II. P. 263).

⁷⁴ См. статью «Résidences pontificales (Moyen Âge)» в Dictionnaire de la papauté.

⁷⁵ Папская канцелярия пользовалась папирусом до 1057 года: Wattenbach W. Das Schriftwesen im Mittelalter. Graz, 1958. S. 110. Папирус произрастал в Южной Италии и даже в Риме до недавнего времени.

⁷⁶ LC. Vol. II. P. 149. N. 34: «Finita missa, acolitus debet tollere papirum et intingere in oleo candeles et diligenter extergere et portare ad palatium ante pontificem, dicens: Jube, domne, benedicere. Pontifex benedicit, ille vero dicit: Hodie fuit stacio ad sanctam Savinam, que salutem te. Pontifex respondet: Deo gratias. Acolitus representat ei papirum; qui osculatur eum pro devotione sancte, et dat eum cubiculario. Cubicularius reponit diligenter et observat usque ad mortem pontificis. Et sic fit in omnibus stacionibus. Ad mortem facit ex eis pulvillum et ponit sub capite ejus in sepulchro».

⁷⁷ Литургический материал «Одиннадцатого чина» трудно датировать, частично он восходит, возможно, даже к X веку: Schimmelpfennig B. Die Bedeutung Roms im päpstlichen Zeremoniell // Rom im hohen Mittelalter. Studien zu den Romvorstellungen und zur Rompolitik vom 10. bis zum 12. Jahrhundert. Sigmaringen, 1992. S. 58.

⁷⁸ Sextus Pompeus Festus. De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome / Ed. W. M. Lindsay. Leipzig, 1913. S. 473: «Struppi vocantur in pulvinaribus <fasciculi> <de verbenis facti, qui pro de>orum capitibus ponuntur». В «Эпитоме» Павла: «Struppi vocabantur in pulvinaribus fasciculi de verbenis facti, qui pro deorum capitibus ponebantur». Cancellieri F. De secretariis

нарезанных листьев вербены изготавливали подушки для богов, то есть для усопших императоров⁷⁹. В папском ритуале тоже хватает элементов, явно говорящих о «подражании империи», *imitatio imperii*: папирус демонстрируется папе перед Латеранским дворцом, по преданию построенным Константином; здесь же листы хранятся на протяжении всего правления, Иннокентий II (1130–1143), для которого составлен XI чин, первым выбрал себе порфирный саркофаг для погребения в Латеране.

Но этим символическое значение ритуала не ограничивается. Папа действует пассивно, когда служка показывает ему обмоченный в масле папирус, активно – когда благословляет его. То есть папа должен благословить папирус, символ своей земной жизни. Ежегодная церемония – периодическое очищение всего его понтификата. Только воспоминание о всей – *благословенной* – жизни может сопровождать папу за порогом смерти. Как раз в этом отличие от римского императорского ритуала: здесь ощутима *imitatio imperii*, но не менее значимо и желание подчеркнуть отличие папы от любого другого государя. Он не такой, как другие, потому что его власть не только мирская, но и духовная, и жизнь папы должна быть достойной этого. Эта мысль возникает уже в письме Петра Дамиани, здесь же она выразилась в тонко продуманном ритуале.

Историю его реконструировать сложно, потому что о нем говорит только XI чин. С чем связано молчание других римских церемониальных книг XII–XIII вв.? От ритуала отказались из-за его языческих корней? Или его самоуничужительный символизм в какой-то момент показался слишком слабым или трудно уловимым? Здесь нужно заметить, что Бенедикт упоминает еще две церемонии с пеплом и огнем как символами бренности и преходящего характера власти: ритуалы пакли и пепла. Возможно, что из-за них-то и отменили ритуал с папирусной подушкой, ведь пепел тоже празднуется в Пепельную среду!

Значит, отказ от обряда с обмоченным в масле папирусом связан с желанием папских церемониймейстеров сделать более сильный акцент на теме физической бренности папы с опорой на символику очевидно христианского происхождения. В описанном обряде, спокойном и изящном, бренность толкуется не в «низких» метафорах и символах вроде пепла, трупных костей или экскрементов. Папирусной подушке, на которой должна покоиться голова усопшего, соответствуют ритуальные и символические элементы, отсылающие к благоуханию, белизне, мягкости...

Петр Дамиани дважды обращается к самоуничужительному символизму пепла. Напомним, он говорит об Аврааме, что тот был возведен до «высшего собеседования с Богом, но ему сказали, что он «прах и пепел» (Быт. 18:27), а затем рассказывает, что в Византии служка показывал императору кости мертвых и пепел во время коронации, чтобы тот признал, что он сам пепел.

Пепел

Во времена Дамиани не существовало ритуалов, при которых папе демонстрировался бы пепел. Причина проста: посыпать голову пеплом верующим – клирикам и мирянам – впервые

basilicae Vaticanae veteris ac novae libri II. Roma, 1786. P. 971–972: «Quae quidem fortasse cuidam in mentem revocabunt, quae tradit Festus de struppis, sive fasciculis de verbenis, qui pro Deorum capitibus in pulvinaribus ponebantur».

⁷⁹ Mansi. Vol. XX. P. 749: «Omnes tam clerici quam laici, tam viri quam mulieres die illo cineres supra capita sua accipiunt» (Собор в Беневенто). Cabrol F. Cendres // Dictionnaire d'archéologie et de liturgie chrétiennes. Vol. 2/2. Paris, 1910. P. 3041–3042. Первым об этом жесте в начале X века писал Регинон Прюмский, но он предписывался лишь кающимся: De ecclesiasticis disciplinis. I. 291 // PL. Vol. 132. Col. 245. В том же духе выражался Руперт Дойцский, De divinis officiis. IV. X // PL. Vol. 170. Col. 98. Понятно почему в первых десяти церемониальных римских чинах, *ordines Romani*, в связи с великопостной средой пепел не упоминается: Ordo I // PL. Vol. 78. Col. 949; Ordo X // PL. Vol. 78. Col. 1017ss.

предложил в 1091 году Урбан II (1088–1099)⁸⁰. Логично, что папская пепельная церемония описана позже, в XI чине, в связи с Пепельной средой.

Отметим сразу, что здесь роль папы активна. Церемониал рассказывает, что папа дает пепел, но неизвестно, получает ли: «Со всей курией папа приходит в церковь св. Анастасии, совершает молебен, переоблачается, восходит к алтарю и дает пепел»⁸¹. Богослужебный Римский понтификал XII века тоже указывает лишь на то, что папа раздает пепел, благословленный самым молодым из кардиналов-пресвитеров, который зачитывал библейский стих: «Помни, человек, что ты прах и в прах возвратишься»⁸².

В последующих церемониалах, чинах Альбина (1189) и Ченчо (1192) участвуют уже все кардиналы трех категорий. К третьему часу в Пепельную среду папа на коне отправляется в церковь св. Анастасии, кардиналы сопровождают его к трону. Пока они переоблачаются, младший кардинал-пресвитер благословляет пепел (как и в Римском понтификале XII века). Восседающий на троне папа получает его от старшего кардинал-епископа, который возглашает перед ним слова, напоминающие о неминуемости смерти и гробном прахе. После этого папа посыпает пеплом головы всех кардиналов – епископов, пресвитеров и дьяконов. После церемонии папа босиком идет в базилику Св. Сабины: эту процессию возглавляет младший кардинал-дьякон. Отслужив здесь мессу, папа на коне возвращается в Латеран⁸³.

Новые особенности появляются в «Церемониале» Иннокентия III (1198–1216)⁸⁴. Станционный молебен в храме Св. Анастасии совершается, «только если папа находится в Риме». Это замечание отражает мобильность Римской курии, ставшую правилом уже в первые годы иннокентиева понтификата⁸⁵. Как и прежде, пепел благословляет младший кардинал-пресвитер и подает папе старший кардинал-епископ⁸⁶. Перед процессией в Св. Сабину папа снимает сандалии и надевает черную ризу⁸⁷. «Церемониал» не говорит, обращаются ли к папе с ритуальными словами, но четко указывает на черный цвет.

⁸⁰ LC. II. P. 149. N. 34: «Quarta feria initium Quadragesime, statio ad sanctam Savinam et collecta ad sanctam Anastasiam, ubi dominus papa cum tota curia venit, ibique indutus ipse et omnes alii ordines ascendunt ad altare. Ibi dominus pontifex dat cinerem, et primerius cum scola cantat antiphonam Exaudi nos Domine. Facta collecta, pontifex discalciatus et omnes alii cum processione pergunt ad sanctam Sabinam». Список источников папского пепельного ритуала: Schimmelpfennig B. Die Zeremonienbücher S. 385.

⁸¹ Andrieu M. Le pontifical romain. Vol. I. Città del Vaticano, 1938. P. 209–210. N. XXVIII: «1. Feria quarta in capite ieiunii procedit pontifex Romanus ad Sanctam Anastasiam ubi fit collecta. In primis vero minor presbiterorum cardinalium benedicit cineres dicens...; 5... Interim ponit Romanus pontifex vel sacerdos cineres super capita virorum ac mulierum, dicens: Memento, homo, quia pulvis es et in pulverem reverteris». Быт 3:19. Ср.: Быт 18:27, Иов 34:15.

⁸² Albinus. LC. Vol. II. P. 129. N. 15; Cencio. LC. Vol. I. P. 294: «Dominus papa circa mediam tertiam equitat cum episcopis et cardinalibus ad sanctam Anastasiam, et recepta processione a clericis ipsius ecclesie intrat sacrarium et induit se cum cardinalibus et aliis ordinibus. Interim autem cinis benedicitur a juniori presbitero cardinali. Deinde dominus papa vadit cum cardinalibus et scola cantorum ad sedem post altare, et presentato ei cinere, prior episcoporum imponit ei cinerem, dicens hec verba: Memento quia pulvis es, et in pulverem reverteris. Postquam vero dominus papa imponit cinerem episcopis, cardinalibus, et aliis ordinibus. Quibus expletis, primerius cum scola cantorum incipit antiphonam Exurge Domine, adjuva nos».

⁸³ Van Dijk S.J.P., Walker J.H. The Ordinal of the Papal Court from Innocent III to Boniface VIII and Related Documents. Fribourg, 1975. P. 181–183: «Tunc dominus papa vadit ad dictam ecclesiam, comitate eum tota curia et dicit ibi sextam, quia antequam descendit de palatio debet dicere tertiam. Postquam imponitur ei cinis benedictus a priore episcoporum. si presentes sunt. sin autem a priore presbiterorum. Deinde dominus papa ipse imponit cineres super capita omnium dicens ita Memento homo quia pulvis. Post hec ordinatur processio. Si dominus papa vult pergere pedes. debet se induere vestimentis missalibus usque ad dalmaticam. post impositionem cineris debet se discalciari et indui se nigra casula et pergere processionaliter usque ad sanctam Mariam scole Grecorum et usque ad sanctam Sabinam ubi statio est. pedibus discalciatis». Эти предписания находятся уже в кодексе, содержащем «Бревиарий св. Клары» (= C; 1234–1238). См.: Ibid. P. XXIII–XXIV.

⁸⁴ Paravicini Bagliani A. La mobilità della Curia romana nel secolo XIII. Riflessi locali // Società e istituzioni dell'Italia comunale: l'esempio di Perugia (secoli XII–XIV). Perugia, 1988. P. 155–278.

⁸⁵ Но только если кардинал-епископы присутствуют, иначе их заменяет старший кардинал-пресвитер. Это замечание связано, видимо, с частым отсутствием кардиналов, отправлявшихся с важными и длительными миссиями.

⁸⁶ Van Dijk S.J.P., Walker J.H. Op. cit. P. 181: «Curia debet et prelati violaceis seu nigris pluvialibus uti, presbiteri vero et diaconi cardinales planetis, capellani superpelliciis».

⁸⁷ Ibid. P. 183: «Anno nono dominus B[onifacius] VIII recepit primo prelatos in cap[p]is ad reverentiam, postea omnibus indutus dedit cineres. Quibus datis, prior episcoporum dedit ei aquam ad manus lavandas, et lotis, prior presbiterorum tenuit librum dum dixit

Один неизвестный папский церемониймейстер оставил описание пепельного обряда, справлявшегося на девятый год понтификата Бонифация VIII 20 февраля 1303 года: прежде чем посыпать пеплом головы кардиналов, папа получил знаки почтения. После этого старший кардинал-епископ, который, как мы знаем, раньше подавал папе пепел, подавал ему (только) воду для омовения рук⁸⁸. И отмечается, что такое решение Бонифаций VIII принял на Сретение того же года (2 февраля)⁸⁹. Новшество сразу в двух пунктах: нигде раньше не говорилось ни об омовении рук, ни о знаках почтения со стороны кардиналов.

Два эти жеста можно найти в т. н. «Пространном церемониале» из Авиньона, составленном при Иоанне XXII (1316–1334) и Клименте VI (1342–1352): папа отправляется на пепельный обряд в красной мантии и белой митре без жемчуга; сидя на троне, покрытом фиолетовой тканью, он принимает знаки почтения от кардиналов и членов курии; по сторонам от него стоят два старших кардинал-дьякона; сняв митру, старший кардинал-епископ посыпает ему голову пеплом «в виде креста», но «ничего не говоря». Эта последняя деталь объясняет молчание предшествующих церемониалов насчет слов, сопровождавших обряд⁹⁰. Посыпав голову понтифика, кардинал-епископ тут же кладет голову меж колен понтифика в знак полного подчинения; старший кардинал-пресвитер оmyвает руки папы, и так же он должен делать на Сретение и на Вербное Воскресенье⁹¹. Остальные кардиналы, согласно иерархии, получив от папы пепел, должны поцеловать ему колени. В заключение папа принимает каждого согласно его рангу для целования уст и груди⁹².

Подчинение старшего кардинал-епископа сильно ступшевывается в одном дополнении, зафиксированном в церемониальной книге, созданной в мае 1377 года⁹³. Он уже не вкладывает голову между колен папы, но лишь целует правое колено. Эта едва заметная деталь на самом деле ритуально иллюстрирует решение Бонифация IX (24 февраля 1395 г.), что отныне пепел папе будет подавать любой ведущий молебен священник⁹⁴. Таким образом, иерархическая субординация отброшена.

---

orationem et astetit sibi in tota missa».

⁸⁸ Ibid. P. 371. Cp.: Ibid. P. 217.

⁸⁹ «Et deposita mitra pape per diaconum cardinalem sibi assistentem a dextris, prior episcoporum cardinalium, si presens est, sin autem subprior episcoporum cardinalium, stando, et nihil dicendo, imponit cineres super caput pape ad modum crucis. Deinde idem prior genuflexus ponit caput suum inter genua pape, et papa eodem modo ponit cinerem super caput eius, dicens: Memento homo, etc.; postea osculatur genu dextrum pape». Dykmans M. *Le cérémonial*. Vol. III. P. 189. N. 33–34. Cp.: Cancellieri F. *Storia de' solenni possessi*. P. 53. N. 3; Antonelli N. *Epistola de ritu inspersionis Sacri Cineris super Caput Romanorum Pontificum* // De Azevedo E., S.J. *Vetus Missale Romanum Monasticum Lateranense*. Roma, 1754. P. 332.

⁹⁰ Пепел следовало получить из пальмовых листьев прошлого года. (Вербное Воскресенье на Западе называется Пальмовым, согласно евангельской традиции – прим. пер.).

⁹¹ О целовании уст в литургическом контексте и его постепенном исчезновении см. недавнее исследование: Carré Y. *Le baiser sur la bouche au Moyen Âge. Rites, symboles, mentalités. XIe – XVe siècles*. P., 1992. P. 221ss.

⁹² Собрание Биндо Фезулани не упоминает о пепле (Schimmelpfennig B. *Die Zeremonienbücher*. S. 259–260. N. LI). О посыпании его на голову понтифика говорится в рукописях Vat. lat. 4726 и Riccardiana 471. Примечание находится в ватиканской рукописи.

⁹³ «Dominus cardinalis Bononiensis dixit missam et dedit cineres pape, et immediate papa dedit sibi cineres ante omnes cardinales. Verum quod tunc non fuit aliquis episcopus cardinalis, et predictus dominus noster papa ordinavit quod iste modus semper observari deberet, quod ille qui celebrat imponat pape cineres, anno pontificatus sui sexto, in die sancti Mathie». Dykmans M. *Op. cit.* Vol. IV. P. 105 N. 250. В ту Пепельную среду в Перудже не было ни одного кардинал-епископа. Мессу отслужил болонский кардинал Козимо Мильорати, кардинал-пресвитер Санта Кроче ин Джерузальемме (1389–1404), будущий Иннокентий VII (1404–1406). Целебрант и папа по очереди посыпали друг другу головы пеплом, не соблюдая традиционную иерархию. Франсуа де Конзье дважды упоминает обряд в своем дневнике, просто чтобы упомянуть о том, что Бенедикт XIII сыпал пепел (ibid. III. P. 357; III. P. 402). Амейль отсылает к некоей «старинной рубрике», согласно которой «служащий мессу в присутствии папы», кардинал или кто-то еще, представляет персону понтифика и поэтому должен принять пепел прежде остальных кардиналов, сразу после высшего чина кардинал-епископов. Он добавляет, что это правило в особенности соблюдается в случае со священнослужителями (ibid. Vol. IV. P. 99. N. 215; N. 212).

⁹⁴ Cancellieri F. *Storia*. P. 239. Cp.: Rocca A. *Unde Cineres super caput spargendi usus originem trahat, et quae sibi velit?* // *Id. Opera omnia*. Vol. I. Roma, 1719. P. 217. Согласно Агостино Патрици Пикколомини (1484–1492), главный кардинал-исповедник должен был служить мессу в Пепельную среду (Dykmans M. *L'oeuvre* Vol. II. P. 345. N. 995). Это было новшеством:

В современном римском церемониале, принятом после Тридентского Собора, пепел посыпает папе на голову кардинал, но его должность – исповедник понтифика – подчеркивает покаянный характер обряда. Равновесие между бренностью и функцией сохранено: «Аудитор Роты преклоняет колено справа от понтифика, кардинал-исповедник, всегда служащий мессу в этот день, без перчаток, без кольца и без митры, поднимается на ступеньку папского трона, выражает глубокое почтение и стоя, в тишине, сыпет пепел на голову папы, сидящего на троне»⁹⁵. «Принимая пепел на голову, римский понтифик остается первосвященником церкви Божьей»; папа должен принять пепел так, чтобы «все увидели, что, несмотря на такое высокое достоинство, возвышающее его над всем человечеством, он все же человек – слабый, болезненный, смертный...»⁹⁶.

Почему обряд, вроде бы касающийся всех христиан, в результате вошел в папское богослужение и заделывал непосредственно фигуру понтифика? Почему каноник Бенедикт не говорит, принимает ли папа пепел и ритуальные слова? Почему обряд не зафиксирован, а напротив, претерпевает целый ряд изменений в Средние века и вплоть до Нового времени? Ответ на первый вопрос очевиден: более чем всякий христианин папа должен следовать примеру Авраама (Дамиани) и помнить, что он – «жалкий прах» (Бернард Клервоский). Участие же его в богослужении, одинаковом для всех христиан, попросту указывает на то внимание, которое с середины XI века Римская церковь оказывала физической бренности папы.

Но это участие развивалось постепенно, что и объясняет продолжительное молчание о пассивной роли папы. Вся история с пеплом показывает, как сложно было воплотить в ритуале равновесие между явной физической бренностью папы и необходимостью зримо выразить почтение к его функции. Если в чинах Альбина (1189) и Ченчо (1192) папа получает пепел и обращенные к нему слова, то в Авиньоне ситуация иная: пеплом посыпают его голову, когда он сидит на троне, и ему не напоминают о смерти. Кроме того, кардинал, посыпая пепел, должен жестами подчеркнуть свое полное подчинение. Через несколько веков усилилось покаянное значение ритуала: после Контрреформации пепел подает папе не высший по рангу кардинал, а кардинал-исповедник.

Трудный поиск баланса между бренностью и почтением к функции шел постоянно, в том числе благодаря роли, отведенной в ритуале кардиналам с самого момента его возникновения. Акцент на бренности ни в коем случае не должен был бросить тень на папское служение; активное участие кардиналов снимало риск интерпретации его как вмешательство в полноту власти, *plenitudo potestatis*, папы⁹⁷.

Ленточки из пакли

Помимо пепла, Дамиани говорил о пакле. Более того, он первым на Западе упомянул о том, что в Византии служка показывал вновь избранному императору льняную паклю, поджигал ее, и она моментально сгорала. Эта вспышка пламени должна была заставить императора

«cardinalis maior penitentiarius, qui ratione officii maioris penitentie ex consuetudine hodierna, aliquibus annis observata, hodie rem divinam peragere consuevit – non tamen hoc legimus in aliquibus libris caeremoniarum —... omnia paramenta pontificalia accipiat».

⁹⁵ «Summus Pontifex dum Sacros Cineres suscipit, non genuflectit, et Episcopus ad eum accedit deposita Mitra, et Anulo... nec solitam formulam pronunciat, sed nichil dicendo, cineres super Pontificis caput aspergit, ut inde intelligatur, Romanum Pontificem summum esse in Ecclesia Dei Sacerdotem... utque aliis omnibus ostendat, etsi in ea dignitate positus est, qua ceterorum hominum conditionem longe excedit, nihilominus hominem esse, et fragilis, atque infirmae naturae, mortique obnoxium... propterea Summus Pontifex, ni fallor, in spersione S. Cineris, nullis autem verbis prolatis, mortalis suae conditionis monetur». Antonelli N. Epistola. P. 338.

⁹⁶ В Новое время напряжение между бренностью и почтением к функции воплотилось и в специальном пепельном ритуале кардиналов: Paridis Grassi Bononiensis olim Apostolicarum Caeremoniarum magistri ac episcopi Pisauren. De caeremoniis cardinalium et episcoporum in eorum dioecesisibus libri duo. Vol. II. Venezia, 1582. Fol. 79r-80v.

⁹⁷ Сир 21:10, Ис 1:31. Насчет преходящего ср.: 1 Кор 7, 31; 1 Ин 2:17. Эти места цитирует Александр из Рёса. Alexander von Roes. Op. cit. S. 188. N. 3.

«увидеть свое достояние». Пакля как образ быстротечности встречается в Библии⁹⁸. Символика ее сильна благодаря ясности и глубине смысла: ничто так четко не отражает человеческую бренность, увиденную в рамках исполнения власти, ее славы⁹⁹. Мы не знаем, использовался ли ранее ритуал с паклей в папском церемониале. Дамиани, кажется, говорит о нем как о чьей-то адресату не знакомом, и детальное и точное его описание подсказывает, что он предлагал ввести византийский обряд в обиход¹⁰⁰.

Прежде чем разбирать римскую ситуацию, нужно отметить, что ровно такой же ритуал был использован в богослужении в соборе города Безансон после дополнений, сделанных в нем архиепископом Гуго I (1031–1066). Архидьякон на глазах у прелата поджигает льняную ленту и говорит: «Досточтимый отче, так преходит мир и похоть его»¹⁰¹. И эту церемонию предполагалось повторять довольно часто – четыре раза в год: на Рождество, Святого Стефана, Пасху и Пятидесятницу¹⁰². Как в Византии василевс, архиепископ здесь пассивен.

Это интересный факт, потому что Дамиани останавливался в Безансоне в конце августа 1063 года, возвращаясь из поездки по Франции. Гуго показал ему свою «могилу, абсолютно готовую принять его хоть сегодня», и рассказал, что «к каждому углу савана привязали по пять монет, чтобы могильщики уже во время погребения знали, что их ждет достойное вознаграждение за милосердное их деяние». В одном послании Дамиани хвалит архиепископа, «славного среди священников Запада», за то, что тот заказал себе гроб: так он может наблюдать, «как на глазах у него увядают дурные цветы этой жизни», а если вдруг «душа соблазнится какими-то почестями, взгляд остановится на могиле и напомним, что ты – прах и пепел». Мысль Дамиани переходит затем к увещанию против телесной похоти, нужно просто «подумать о червях, которые однажды выйдут из той же самой плоти»¹⁰³. В том, что касается бренности, эти

⁹⁸ Elze R. Op. cit. P. 40.

⁹⁹ Петр Дамиани прекрасно знал римские обычаи, поэтому его детальное описание – серьезный аргумент в пользу датировки введения ритуала пакли в папский церемониал. Иначе его рассказ не имел бы смысла. В том же направлении нужно рассматривать и присутствие пакли в безансонском богослужении, реформированном Гуго I: вполне возможно, что его ввели благодаря контактам прелата с Дамиани в 1063–1064 гг., причем как раз на тему бренности и самоуничтожения. Вероятно, но не факт, что ритуал вошел в папский церемониал с XI века, то есть «когда курия, судя по всему, частично взяла на вооружение византийский придворный церемониал». Elze R. Op. cit. P. 40. Шиммельпфениг тоже задается вопросом, действительно ли ритуал пакли вошел в папскую литургию «только с папами-реформаторами». Schimmelpfennig B. Die Bedeutung Roms. S. 58; Id. Die Krönung des Papstes im Mittelalter dargestellt am Beispiel der Krönung Pius' II. (3. 9. 1458) // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 54. 1974. S. 207–208. Трактат «О краткости жизни», на котором основана эта гипотеза, указывает лишь на то, что Дамиани просто хотел проинформировать о нем получателя письма. Следует учитывать древность обрядов, описанных в Чине Бенедикта, но в отношении пакли этот аргумент не работает: стационарное богослужение в Санта Мария Маджоре, в котором есть и обряд с паклей, впервые описанный каноником Бенедиктом, если верить Петру Маллию, введено при Григории VII. Во всяком случае, в коронацию обряд пакли вошел лишь в XIII столетии. Свидетельство Стефана Бурбона, до сих пор не замеченное, позволит нам уточнить и хронологию, и обстоятельства этого явления.

¹⁰⁰ «Чин каноников» (ordo canonicorum) собора св. Иоанна в Безансоне, основной свод безансонской литургии времен Гуго I, сохранился в рукописи Besançon, Bibliothèque Municipale 711, скопированной одной рукой около 1180 года с протографа, созданного до 1120 года. Церемония проходила на Рождество (fol. 204v–205r), на Святого Стефана (fol. 205v), на Пасху (fol. 216v) и на Пятидесятницу (fol. 222v). На Рождество, после «Кугие», вместо слов «Благочестивый отче» архидьякон возглашал: «Знай, что ты прах», Scito te terram esse (fol. 205). Все содержание этого чина указывает на то, что он составлен в середине XI века и потом не менялся: De Vregille B. Le "Rituel de saint Prothade" et l'Ordo canonicorum de Saint-Jean de Besançon // Revue du Moyen Âge Latin. Vol. 5. 1949. P. 97–114; Id. Hugues de Salins, archevêque de Besançon, 1031–1066. Vol. I. Lille-Besançon, 1983. P. 471–473, vol. II. P. 1153–1156, vol. III. P. 161. Мы благодарны о. Бернару де Врежилю за эту информацию.

¹⁰¹ В XIII столетии на Пятидесятницу эта церемония проходила также в Лизьё, как следует из служебника его собора. Cancellieri F. Storia. P. 53. N. 3; Moroni. LXX. P. 91. Паклей пользовались намного чаще, чем можно судить по сохранившимся сегодня источникам. Морони указывает, например, и на Лукку, правда без датировки: «Когда архиепископ возглашает «Слава в вышних Богу», посреди собора сжигают немного пакли».

¹⁰² Die Briefe. Bd. III. S. 246–258 (N. 111), особенно S. 248–249.

¹⁰³ LC, II, 145 n° 16: «Mane dicit missam ad sanctam Anastasiam; qua finita descendit cum processione per viam iuxta porticum Gallatorum, ante templum Sibille et inter templum Ciceronis et templum Crinorum, et progrediens inter basilicam Jovis et circum Flamineum, deinde vadit juxta porticum Severinum, et transiens ante templum Craticule et ante insulam Militenam et drachonarium. Et sic sinistra manu descendit ad majorem viam Arenule, transiens per theatrum Antonini et per palatium Chromatii, ubi fuit olovitreum, et sub arcu Gratiani, Theodosii et Valentiniani imperatorum, et intrans per pontem Adriani ante templum ejus et juxta

рассуждения удивительно близки тем, что он представил Александру II. Совпадают они и по времени: послание архиепископу Безансонскому тоже относится к 1064 году. Контакт Петра с Гуго Безансонским объясняет самое раннее свидетельство ритуала с паклей в западном церемониале. Он стал несомненным новшеством, и в его распространении на Западе Дамиани сыграл главную роль.

В Риме первым о пакле написал каноник Бенедикт в 1140–1143 годах. Ленты зажигались на Рождество и на Пасху. Рождественским утром папа служил мессу в церкви Св. Анастасии, затем процессия направлялась в базилику Св. Петра. Путь пролегал среди римских древностей, между базиликой Юпитера и Фламиниевым цирком, через арку Грациана, Феодосия и Валентиниана, и выходил на Адрианов мост, «перед его храмом, рядом с Нероновым обелиском и мемориалом Ромула». Дойдя до Ватикана, папа входил в базилику и служил мессу с дворцовым клиром. Перед возвращением в Латеран ему надевали тиару. По пути, «поскольку день краток, а путь труден», служилась станционная месса в базилике Санта Мария Маджоре, во время которой исполнялся обряд возжигания пакли¹⁰⁴. При входе в пресбитерий ризничий подавал папе тростниковую палку с зажженной свечой. С ее помощью папа поджигал паклю, повешенную на капители колонн при входе в храм. На Пасху церемония повторялась здесь же, на полу пресбитерия¹⁰⁵.

Отличия от византийского обряда разительны. В папском ритуале есть элементы, подчеркивающие светскую власть и, скрыто, брэнность ее обладателя. Маршрут до Св. Петра проходит через памятники императорских триумфов (арка Грациана, Феодосия и Валентиниана), но завершается перед мавзолеем Адриана и мемориалом Ромула. Процессия из Св. Петра в Латеран называется «праздником короны», *festum corone*. Правда, церемония выглядит исключительно литургическим действием¹⁰⁶. Кроме того, и на Рождество, и на Пасху папа играет только активную роль: он поданной ему свечой разжигает паклю. Потому-то символический смысл в

---

obeliscum Neronis et ante memoriam Romuli, et sic per porticum ascendens in Vaticanum ad basilicam sancti Petri, ubi est stacio. Et ibi honorifice cantat missam cum omnibus ordinibus palatii, sicut decet. Et debet ibi accipere coronam in capite suo et per mediam urbem cum processione redire ad palatium et perficere festum corone. Sed propter parvitatem diei et facultatem vie facit stacionem ad sanctam Mariam majorem et vadit in secretarium». Дюшен в своем издании по непонятным причинам принял чтение *facultatem* вместо *difficultatam*, встречающемся в древнейшей рукописи (Камбре, XII в.). Петр Маллий тоже сообщает, что станционное богослужение совершается в Санта Мария Маджоре, «потому что путь недолог, а дни коротки, quoniam via brevis est, et dies parvi sunt (Descriptio basilicae Vaticanae // Valentini R., Zucchetti. Op. cit. Vol. III. P. 439–440). Бенедикт первым зафиксировал эту мессу, новшество, которое Маллий приписывает Григорию VII: «в древности, до Григория VII, Рождественская заутреня служилась в базилике Св. Петра». Это важный элемент для датировки введения церемонии с паклей в римскую литургическую практику, и он не противоречит с *terminus a quo* (1064), представленным трактатом Дамиани. Поскольку Бенедикт говорит о станционной мессе в Св. Петра как о реальности, возможно, он имеет в виду догригорианский церемониал. Подробности о маршруте, от Св. Анастасии до Св. Петра, через римские древности, указывает на желание возродить древнюю топографию, *renovatio Romae*, возникшее до пап-реформаторов (Schimmelpfennig В. Die Bedeutung Roms. S. 51). Заметим, что, настаивая на прямом контакте процессии с древностями, Бенедикт создает контраст с церемонией пакли, что вряд ли случайно. «Имперский» путь и ритуал самоуничтожения словно противоречат друг другу и одновременно объясняют детальность повествования Бенедикта.

¹⁰⁴ LC. Vol. II. P. 145 N. 17: «In introitu ecclesie cubicularii alte portant mappulam super caput pontificis. Cum autem intrat presbiterium, mansionarius ecclesie porrigit ei harundinem cum cereo accenso. Tunc pontifex accipit eam et ponit ignem in stappa posita super capita columnarum, ad figuram finis mundi per ignem». Ср.: *ibid.* N. 16–19, 47.

¹⁰⁵ Верности ради, следует знать, что чин Бенедикта не рассказывает о коронации папы, а ритуал пакли не упоминается ни в одном коронационном чине (*ordo coronationis*) XII века (Альбин, Ченчо, Лондонский и Базельский кодексы).

¹⁰⁶ *Libellus de cerimonia aule imperialis (Graphia aureae Urbis Romae)*. Cap. 19 / Ed. P.E. Schramm. Kaiser, Könige und Päpste. Bd. III. Stuttgart, 1968. S. 351: «In militiam ascripti ad exercitum mittantur; et monocrator precelsus ex corona liliorum coronabatur; et pulvis mortuorum cum ossibus ante eum ponebatur, et stappa ad figuram iudicii ante eum incendebatur». Шрамм утверждал, что этот ритуал, о котором впервые и единственный раз говорит «Описание золотого города Рима», заимствован у Римской церкви, ведь пакля при коронации папы сжигается по сей день. Id. Kaiser, Rom und Renovatio. S. 209. Как мы видели, такая трактовка основана на противоположном понимании развития всего ритуала. *Graphia*, в том, что касается «чудес города Рима», *mirabilia urbis Romae*, во многом схожа с произведением каноника Бенедикта. Герман Блох не согласен с предложенной Шраммом датировкой (1030). Bloch H. Der Autor der "Graphia aureae urbis Romae" // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. Bd. 40. 1984. S. 55–175. Упоминание саркофага Анастасия IV († 3 декабря 1154 г.) – точка отсчета.

основном эсхатологический: зажженная пакля напоминает о конце мира, которому суждено сгореть.

Во времена Бенедикта ритуал пакли в том виде, в котором он использовался в Византии во время коронации, точно был взят на вооружение в западном императорском церемониале. «Книжица о церемониях императорского двора», включенная в «Описание золотого города Рима» (ок. 1145), дает описание, близко напоминающее текст Дамиани: самодержцу (monocrator) «с короной из лилий на голове» показывали «прах и кости, а в предзнаменование Суда сжигали у него на глазах паклю»¹⁰⁷. Как и василевс, западный государь, готовясь получить корону, играет здесь пассивную роль, то есть просто смотрит на огонь.

В начале XII века, только в связи с Пасхой, папский ритуал упоминается у Гонория Августодунского: «во время пасхальной процессии над головой апостола (т. е. папы – прим. пер.) подвешивают паклю, поджигают и дают упасть на него, (ее подхватывают или поднимают с земли служки), чтобы напомнить, что и он превратится в пепел, а славные его облачения сгорят»¹⁰⁸. То же говорит Базельский кодекс, актуализирующий информацию чина каноника Бенедикта¹⁰⁹. Значит ли это, что ритуал потерял силу? Трудно сказать. Ясно, что, в сравнении с Безансоном, где церемония проходила четырежды в год, римская литургия с самого начала предпочла более сдержанный ритм. Если воспринимать Гонория буквально, возможно, объяснение еще и в том, что папа играет не активную, а пассивную роль: сокращению времени соответствует усиление мотива смирения.

У Лотарио де Сеньи, будущего Иннокентия III (1198–1216), огонь пакли отсылает к Страшному суду и концу времен, но также и лично к celebrante: понтифик зажигает его, чтобы «идуший во славе не радовался мирской славе», потому что «всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой». Celebrante здесь активен, но речь идет не только о папе, Лотарио говорит об обряде, совершаемом «в некоторых базиликах посередине хора»¹¹⁰. Эти образы Лотарио использовал и раньше в «Ничтожестве человеческого состояния», чтобы осудить бессмысленные украшения в облачении прелатов и подчеркнуть контраст между тем, кто «восседает на троне», и тем, кто «презренно лежит в могиле»¹¹¹.

¹⁰⁷ Honorius Augustodunensis. Gemma Ecclesiae // PL. Vol. 172. Col. 611–612: «Porro apostolico in Pascha procedente, pharus ex stупpa super eum suspenditur, quae igne succensa super eum cadere permittitur; sed a ministris vel a terra excipitur, et per hoc ipse in cinerem redigi, et gloria ornatus eius in favillam converti admonetur». Это произведение трудно датировать точнее, чем первые десятилетия XII века. Cabrini Chiesa L. Temi liturgici in "Honorius Augustodunensis" // Ephemerides liturgicae. Vol. 99. 1985. P. 443–455. Руперт Дойцский, на которого ориентируется Гонорий, об этом обряде не упоминает (PL. Vol. 170. Col. 25–26).

¹⁰⁸ При входе в базилику Санта Мария Маджоре папу встречали каноники. Schimmelpfennig B. Die Zeremonienbücher. S. 374: «Canonici recipiunt cum processione, ipse dat pacem omnibus. Postea incendit stupam super capita columnnarum, que ibi stant». По рукописи Basel. Universitätsbibliothek. Ms. D. IV. 4.

¹⁰⁹ Ср.: Ис 40:6, 1 Пет 1:24. Lotharius. De sacro altaris mysterio // PL. Vol. 217. Col. 804–805): «De igne quem manipulo stuppeae pontifex apponit in choro. In quibusdam basilicis circa medium chori manipulus stuppeae super columnnam appenditur, cui pontifex ignem apponit, ut in conspectu populi subito comburatur. Per hoc secundum adventum commemorans, in quo Christus iudicabit vivos et mortuos et saeculum per ignem. Nam ignis in conspectu ejus exardescet, et in circuitu ejus tempestas valida... Quia qui iudicandus venit in primo, iudicaturus veniet in secundo. Vel potius... pontifex ignem apponit in stuppam, ne forte qui gloriosus incedit in temporali gloria delectetur. Nam omnis caro fenum, et omnis gloria ejus quasi flos feni».

¹¹⁰ Лотарио де Сеньи. О ничтожестве человеческого состояния. Гл. XL / Пер. И.И. Аникьева // Polystoria. Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / Отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2017. С. 308. Трактат написан между 25 декабря 1194 г. и 13 апреля 1195 г.

¹¹¹ Stephanus de Borbone. Tractatus de diversis materiis predicabilibus. I. VII. 7 / Ed. J. Berlioz. Turnhout, 2004. P. 301: «Notandum autem quod memoria mortis ad multa valet homini, scilicet ad XX. Ideo sententia Platonis est: Summa philosophia est assidua mortis meditatio. Primo, ad humiliationem. Unde antiqui uolentes se humiliare ponebant cinerem super capita sua in memoriam quod cinis essent. Eccl. X b: Quid superbis terra et cinis?; Gen. XVIII: Loquar ad Dominum meum cum simpuluis et cinis. Audiui quod cum Aristoteles esset propinquus morti quasi laborans in extremis, cogitans de morte, requisitus a discipulis suis quos multa alta docuerat quod doceret eos sententiam bonam quam retinerent, ait: Humiliatus intraui in hunc mundum, anxius uixi, turbatus exeo, inscius et ignarus. Hoc audiui quemdam fratrem predicasse scolariibus asserens hoc se legisse».

В середине XIII века появляется еще одно новшество. Доминиканец Стефан Бурбонский, автор одного из важнейших средневековых сводов *exempla* (1250–1261), описывает ритуал в разделе, посвященном смертному памятованию, где собраны различные примеры самоуничтожения. Здесь есть сентенция Платона о необходимости постоянно помышлять о смерти, отсылки к библейским образам пепла, смиренное высказывание Аристотеля, якобы произнесенное им на смертном одре¹¹². Некий старик дал ему драгоценный камень, с помощью которого можно было измерить любой предмет, если он не покрыт пылью. Этот камень обозначает Александра Македонского: живой (не запыленный) он весомее всех, мертвый (покрытый прахом), он ничего не весит¹¹³. Далее доминиканец ссылается на житие патриарха Александрийского Иоанна Милостивого: в первый день после коронации византийского императора некий каменотес показывает ему четыре осколка мрамора разного цвета и спрашивает, из какого он хочет заказать себе гроб. «Человек смертен и все время, смирения ради, должен перед мысленным своим взором иметь смерть». Поэтому патриарх приказал, чтобы для него изготовили саркофаг, но не завершали дело, а на каждом торжестве, когда он восседал на почетном месте, кто-нибудь должен был подходить к нему и говорить: «Владыка, прикажи доделать твой гроб, ведь ты не знаешь, когда придет разбойник». Заключительная фраза самая интересная: «Рассказывают, когда папа получает корону и высшие почести, перед ним сжигают паклю и говорят: так проходит мирская слава, подумай, что и ты пепел и смертен»¹¹⁴. Это первый случай, когда ритуал с паклей описан так же, как в Византии: паклю зажигают во время посвящения (или коронации) папы¹¹⁵. Кроме того, папа пассивен и слушает ритуальные слова. Свидетельство Стефана важно еще и потому, что здесь впервые знаменитая и сегодня фраза о бренности

¹¹² Ibid.: «De lapide Alexandri. Audiui quod cum Alexander nauigaret per quemdam fluuium paradisi, ut ueniret ad ortum eius, quidam senex de rupe apparens ei suasit ei regressum et dedit ei lapidem retiosum pulcherrimum, dicens ei quod in eius pondere cognosceret ualorem suum. Lapis ergo ille positus in statera nudus omnia ponderabat quecumque in alia lance ponebantur. Coopertus puluere nihil ponderabat, sed ei preponderabat festuca una. In hoc dabatur ei (intelligi) quod uiuus aliis omnibus preponderabat; mortuus autem et copertus sepulcro, nihil. Item, homo ad modum pauonis: uisis pennis, superbit; et rotam caude, uisis pedibus, deponit; sic homo, uiso fine».

¹¹³ Ibid. P. 302: «De consuetudine imperatorum. Item, legitur in vita Iohannis Eleemosinarii, patriarche Constantinopolitani, quod consuetudo imperatorum erat quod, cum essent electi, prima die coronationis sue, ueniebat lathomus ferens in manu III aut IIII pecias marmoris diversorum colorum, dicens: "Tubeat imperator de quo genere marmoris uelit sibi fieri monumentum", eo quod homo mortalis est et habeat mortem in memoria ut humilietur". De Iohanne Eleemosinario. Idem Iohannes Eleemosinarius factus patriarcha fecit fieri sibi sepulcrum imperfectum et in precipuis sollempnitatibus statuit quemdam qui diceret ei, cum esset in loco honoris sui: Domine imperfectum sepulcrum tuum, iube illud perfici, quia nescis qua hora fur ueniat. 103. Item, dicitur, cum papa consecratur et in summum honorem extollitur, quod stupa comburitur in eius oculis et ei dicitur: "Sic transit gloria mundi, quasi cogita te cinerem et mortalem". Item, ad hoc facit exemplum de Achab, Reg. 21 e, f, g, qui cum audiret mortem sibi imminere quam ninabatur ei Helyas, indutus est sacco et ambulabat, demisso capite, et dicit Dominus ad Helyam: Nonne uides Achab humiliatum coram me? etc.». Этот пассаж – из Жития Иоанна Милостивого, гл. XVIII (PL. Vol. 73. Col. 354). Он присутствует и в «Золотой легенде» Иакова Ворагинского, написанной в 1260-х гг.: Иаков Ворагинский. Золотая легенда. Гл. 27. Т. I / Пер. И.И. Аникьева, И.В. Кувшинской. М., 2017. С. 187. Параграфы о константинопольском патриархе и папском ритуале с паклей без изменений повторяются в проповеди, прописывавшейся в рукописях и инкунабулах доминиканцу Мартину Поляку († 1278). На самом деле это просто резюме *exempla*, взятых из собрания Стефана Бурбонского (Martinus Polonus. Sermones. Exempla de morte. Cap. V. Strasbourg, 1480, 1484, 1486, 1488 = Hain 10853-56; ср.: Käppeli Th. Scriptores Ordinis Praedicatorum Medii Aevi. Vol. III. Roma, 1970. P. 115 N. 2972). Это показал в своей дипломной работе наш ученик Диего Молес (1993).

¹¹⁴ Говоря о папе, Стефан Бурбон использует слово *consecratur*, а не *coronatur*, которым воспользовался, описывая, как византийскому императору показали осколки мрамора. Только в Церемониале Григория X (1273) папская коронация стала отдельным событием, поэтому лишь в конце XIII столетия термин *coronatio* заменил «посвящение», *consecratio*. Согласно Шиммельпфеннигу, Мартин Поляк в своей «Хронике» всегда говорит о *consecratio* (ок. 1270), а Барнард Ги (1281–1328) всегда использует *coronatio*. Schimmelpfennig B. Die Krönung. S. 215. N. 100; LP. Vol. II. P. 462, 467.

¹¹⁵ Нам не удалось узнать, произносились ли слова *sic transit gloria mundi* во время коронации Григория VII (Рождество 1075 года) при совершении обряда с паклей. Klewitz H.-W., Die Krönung des Papstes // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung. Bd. 3. 1941. S. 97. Допущение, кажется, основано на гипотетическом существовании папского ритуала с паклей в XI веке, но о неосновательности этой гипотезы говорилось выше. Известно, что генерал Де Голль сказал *sic transit*, узнав об убийстве Джона Кеннеди.

явно обращена к папе¹¹⁶. Ее источник – Библия, то же место, которое вдохновило создателей ритуала с паклей¹¹⁷.

Около 1285 года другой член курии, немец Александр из Рёса использует слова *Sic transit gloria mundi* в поэме «Павлин», *Pavo*, пародии, в которой папа предстает в виде этой птицы. Отсылка к церемониалу здесь нет, но не приходится сомневаться, что капеллан кардинала Джакомо Колонны знал слова ритуала с паклей¹¹⁸.

Почему лишь в середине XIII века источники описывают нам папский ритуал с паклей таким, каким Петр Дамиани впервые показал его в 1064 году? Случайность свидетельств? Или резонно предположить, что папство изобрело «новый» ритуал?

Заметим сразу, что свидетельство Стефана Бурбонского предшествует Церемониалу Григория X (1272–1273), где коронация папы появляется в новом чинопоследовании: папу коронуют в базилике Св. Петра, прежде чем он отправляется в Латеран, чтобы войти во владение им¹¹⁹. Согласно предшествующим чинам, избранный папа получал корону на следующее воскресенье после этого и до конного шествия из Св. Петра в Латеран¹²⁰. Это новшество очень важно: коронация в Церемониале Григория X – торжественный и автономный конститутивный элемент.

Обстоятельства жизни Григория X объясняют его желание придать коронации такое значение. Тедалдо Висконти объяснял кардиналам свое решение короноваться в Риме, ссылаясь на «Константинов дар»: «Знайτε, дорогие братья, что император Константин, самодержец мира, снял венец с императорской головы и щедро отдал его святому Сильвестру, римскому понтифику тех лет, в знак царского достоинства и светской власти. Поскольку, как говорят, это произошло в Риме, разумно, справедливо и достойно, чтобы здесь же и Церковь во мне, пусть недостойном, получила тот же венец»¹²¹.

Последним папой, избранным и получившим посвящение в Риме, стал Григорий IX (1227–1241), носивший то же имя, что Тедалдо Висконти! Это совпадение следует подчеркнуть, потому что жизнеописание Григория IX описывает конное шествие из базилики Св. Петра в Латеран с такой царственностью, что сразу спрашиваешь себя, не здесь ли источник вдохновения Григория X? В 1227 году, 21 марта, папу «торжественно возвели на кафедру» в Латеране, и этот ритуал позволил Церкви «сменить траурные одежды, а полуразрушенные

¹¹⁶ Кор 7:31: «проходит образ мира сего». 1 Ин 2:17: «И мир проходит, и похоть его».

¹¹⁷ Alexander von Roes. *Schriften*. S. 188.

¹¹⁸ Dykmans M. *Le cérémonial*. Vol. I. P. 180. Если папа избран и коронован вне Рима, по Церемониалу Григория X он все равно должен выслушать *Te Deum* в базилике Св. Петра прежде чем отправиться в Латеран.

¹¹⁹ Eichmann E. *Weihe im Mittelalter*. München, 1951. S. 56.

¹²⁰ «Scitis, fratres charissimi, quod Imperator Constantinus, mundi Monarcha ex imperiali vertice coronam deposuit, et eam ex sua munificentia contulit B. Silvestro, tunc Romano Pontifici, in signum decoris regii, et dominii temporalis. Et quia istud in Urbe factum esse dignoscitur, suadet ratio, monet aequitas, et requirit honestas, quod ibi ipsa Ecclesia in nostra persona licet indigna, huiusmodi debeat diademate insigniri». Campi P.M. *Dell'istoria ecclesiastica di Piacenza*. Vol. II. Roma, 1677. P. 346.

¹²¹ LC. Vol. II. P. 19: «Die vero Resurrectionis dominice subsequens, missarum misteriiis [in] Virginis gloriose basilica sollempniter celebratis, revertitur cum tripudio coronatus. Feria quidem secunda in Albis in predicta beati Petri basilica, divinis missarum officiiis reverenter expletis, duplici diademate coronatus sub fulgoris specie in Cherubin transfiguratus aspectum, inter purpuratum venerabilium cardinalium, prelatorum et clericorum comitivam innumeram, insignibus papalibus precedentibus, equo in faleris pretiosis evectus per alme urbis miranda menia pater urbis et orbis deducitur ammirandus. Hinc cantica concrepant, inde preconia populi jubilantis exsurgunt et per vicos singulos clamor resonat Kyrieleison; aureis argenteisque platea distinguitur tapetis pictis ex Egypto prostrata, et tinctis Indie Gallieque coloribus ordinate composita, diversorum aromatum suavitate flagrabat. Tubarum clangore turba concutitur, se certatim clamoribus mutuis exhortando. Judices et tabelliones capis fulgebant sericis, aureis vestibis legione procerum decorata; Grecorum et Hebreorum catherva non modica Christi vicario suis linguis et ritibus laudis munia persolvebant, et puerilis lingue garrulitas procacia fescennia cantabat. Sicque incredibili multitudine populi cum palmis et floribus, precedente senatore ac prefecto Urbis almifice, non equis evectis set pedibus pontificalis equi lora trahentibus, sub arcuatis platearum ordinibus micantium syderum immitantibus specimen, sexor sanctis (?) sanctissimus perducitur Lateranum». О «двойной короне», diadema duplex, см.: Ladner G.B. *Der Ursprung und die mittelalterliche Entwicklung der päpstlichen Tiara* // *Tainia*. Roland Hampe zum 70. Geburtstag am 2. Dezember 1978 dargebracht. Mainz, 1978. S. 474.

стены Города обрели былой блеск». В следующее воскресенье, 28 марта, папа получил паллий в базилике Св. Петра. На Пасху, 11 апреля, после торжественного богослужения в Санта Мариа Маджоре, Григорий IX «под всеобщее ликование вернулся с короной на голове». На следующий день «преображенный херувим», «отец Города и мира», пересек город «в двойной короне», то есть в тиаре, на коне, облаченном в «драгоценную сбрую», в сопровождении кардиналов «в пурпуре». Сенатор и префект Рима следовали за ним пешком, держа стремяна¹²². Обычай так торжественно отмечать «праздник венца», *festum coronaе*, в пасхальный понедельник говорит о «подражании империи». Византийский василевс тоже шествовал в короне из церкви во дворец в пасхальный понедельник, а патриции несли *lor*, символ светлого Христова Воскресения»¹²³.

Интерес автора жизнеописания Григория IX к папской короне виден и в том месте, где он осуждает Фридриха II: тот якобы хотел, чтобы папа «получил вместо короны пепел»¹²⁴. Жизнеописание написано в те же годы, когда работал Стефан Бурбонский, и это дополнительное свидетельство особого внимания к папскому венцу, проявившегося после смерти императора в 1250 году¹²⁵. Стоит ли удивляться, что, согласно нашим источникам, папа призван участвовать в византийском ритуале с паклей в тот момент, когда важность обрела коронация, постепенно становившаяся самостоятельным, конститутивным для папства ритуалом?

Свидетельства Стефана и Александра из Рёса, пусть важные, остаются одиночными¹²⁶. Даже Церемониал Григория X не упоминает о ритуале с паклей в контексте коронации. Паклю зажигают во время богослужения, роль папы – активна¹²⁷. Литургист Гильом Дюран (1284) свел несколько богослужебных традиций (Гонорий Августодунский, Лотарио де Сеньи)¹²⁸. Алваро Пелайо в «Зерцале королей», написанном в Авиньоне (1341–1345), вспоминает, как «у него на глазах во время папской процессии в центре хора на колонне зажгли паклю, чтобы шествующий во славе не радовался мирской славе». Он повторил тексты Лотарио и Дюрана, и трудно

¹²² О «первой коронации», *Erstkrönung*, императоров и пап см.: Deér J. *Byzanz und das abendländische Herrschertrum*. Ausgewählte Aufsätze. Sigmaringen, 1977. S. 61–62.

¹²³ LC. Vol. II. P. 33.

¹²⁴ «Жизнеописание Григория IX», возможно, написанное Николо из Ананьи, племянником этого понтифика из Ананьи, датируется 1254–1265 гг. Paravicini Bagliani A. *La storiografia pontificia del secolo XIII*. Prospettive di ricerca // *Römische historische Mitteilungen*. Bd. 18. 1976. S. 52–53.

¹²⁵ О пакле молчит «Поэма» (*Opus metricum*) кардинала Якопо Стефанески, видевшего своими глазами коронации Целестина V и Бонифация VIII. Молчит и чин, сохранившийся в рукописи из Тулузы (*Bibliothèque municipale*, ms. 67), в котором сведены церемониал XII века, чин Григория X и Понтификал и которым, возможно, пользовались при римской коронации Бенедикта XI 27 октября 1303 года. *Opus Metricum*. Versus 345–354 / *Monumenta Coelestiniana*. Quellen zur Geschichte des Papstes Coelestin V.. Paderborn, 1921. S. 107. Тулузский чин: Dykmans M. *Le cérémonial*. Vol. II. P. 272. N. 215: «*Et sic induti et ornati, precedente cruce, processionaliter vadunt ad gradus ante ecclesiam iuxta Sanctam Mariam in Turribus, et ibi in faldistorio sedente summo pontifice, prior diaconorum accipit mitram de capite ipsius et imponit ei regnum, sive coronam rotundam et acutam*».

¹²⁶ Чин Григория X (*ibid.* Vol. I. P. 212. N. 268): «*Et sic venit ad portam chori, ubi in stupa lini ligata in corda pendenti ponit ignem, acolito ibi preparante faculam cum lumine*». Пакля висит на веревке у входа в хор, а согласно XI чину Бенедикта ее вешали на колонну при входе в базилику. В XIV чине папа по-прежнему активен. *Ibid.* Vol. II. P. 399. N. 18: «*Cum intrat presbiterium ecclesie mansionarius preparat eidem arundinem cum cereo accenso, quem accipit et ponit ignem in stupa super capita columnarum que ibi stant*». Источник – римский сакраментарий, дошедший в рукописи Ottob. lat. 356 из Ватикана: Brinktrine J. *Consuetudines liturgicae in functionibus anni ecclesiastici papalibus observandae*. München, 1935. S. 37–38.

¹²⁷ Guillelmus Durandus. *Rationale*. IV, VI, 13: «*In quibusdam basilicis circa medium chori manipulus stupe appenditur, cui pontifex transiens ignem apponit, ut in conspectu populi cito incineretur. Per hoc secundum adventum commemorans, in quo Christus vivos et mortuos et seculum per ignem iudicabit. Nam ignis in conspectu ejus semper ardebit (ср.: Лев 6:12, 24:4), et in circuito ejus tempestas valida. Ne videlicet quis male securus existat, quoniam qui in primo blanditur, pro secundo exterret. Quia qui judicandus venit in primo, judicaturus veniet in secundo. Hoc etiam fit, ut pontifex ignem apponens, consideret, quod ipse debet in cinerem redigi, et ornatus eius in favillam converti, et quod quemadmodum stupa facile comburitur; sic etiam facile et quasi in momento presens transit mundus, et concupiscentia eius: quia secundum Iacobum Apostolum vita nostra vapor est, et ad modicum parens, ne forte, qui gloriosus incedit, in temporalis gloria delectetur. Nam omnis caro fenum, et omnis gloria eius quasi flos feni*».

¹²⁸ Schrick G. *Der Königsspiegel des Alvaro Pelayo (Speculum regum)*. Inauguraldissertation. Bonn, 1953. S. 133: «*Unde sicut vidi, quando dominus papa processionaliter progreditur, manipulo stuppe super columpna in medio chori appenso ignis supponitur, ne forte qui gloriosus incedit in temporalis gloria delectetur*».

сказать, отсылает ли он к коронации или к пасхальной мессе, в том числе потому, что он не понимает роль папы: активна она или пассивна¹²⁹?

Исполнялся ли в Авиньоне обряд с паклей во время папской коронации? Единственный способ узнать это дает чин, в котором содержатся инструкции для коронации Урбана V (6 ноября 1362 г.)¹³⁰. Маршрут вроде бы рассчитан на авиньонский дворец, законченный при Клименте VI (1342–1352): папа выходит из покоев в большую капеллу и переодевается, здесь же совершаются различные обряды, включая возжигание пакли. После этого ритуала самоуничтожения он, пересекает капеллу с широкой золотой лентой на голове – знаком его нового величия. В хоре к нему в знак мира подходят три кардинал-пресвитера и почтительно целуют в грудь¹³¹.

Одно место в этом чине говорит о том, что в курии обсуждали, как лучше исполнять ритуал: «некоторые считают, что лучше проводить его на катафалке, потому что присутствует много людей *в очень славном месте*». То есть желание продемонстрировать ритуал публике возникает ровно тогда, когда курия обрела в новом папском дворце «очень славное место» для коронации. Эта дискуссия, судя по всему, ставила своей целью найти условия, аналогичные тем, что были в Риме: здесь обряд совершался на ступенях большой внешней лестницы базилики Св. Петра¹³².

В самом начале XV века один свидетель впервые описал ритуал, увиденный своими глазами. Английский хронист Адам из Аска (Usk) присутствовал на коронации Иннокентия VII: «В день св. Мартина 11 ноября 1404 года новый папа для торжественной коронации приходит из дворца в базилику св. Петра. Прислуживающие подносят ему одеяния, и он переодевается у алтаря св. Григория. У выхода из капеллы св. Григория клирик зажигает паклю, намотанную на конец длинной тростниковой палки и громко возглашает: "Отче святой, так проходит мирская слава". Затем дважды еще громче произносит: "Отче святой, отче святой". И в третий раз, очень громко, у алтаря св. Петра: "Отче святой, отче святой, отче святой". И каждый раз

¹²⁹ Torino. Archivio di Stato. Protocolli rossi 2. fol. 79–84 // Dykmans M. *Le cérémonial*. Vol. III. P. 462–473. Schimmelpfennig B. *Papal Coronations in Avignon // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. J.M. Bak. Berkeley, 1990. P. 184.* Согласно Дикмансу, этот чин предназначался для коронации Мартина V в Констанце 21 декабря 1417 года.

¹³⁰ Dykmans M. *Le cérémonial*. Vol. III. P. 464: «(13) Deinde erunt duo diaconi alii sic induti qui conducent papam, unus a dextris, aliis a sinistris, et extenso panno aureo seu paramento supra ipsum papam, existente retro ipsum uno capsello cum tobalea in collo, qui serviet sibi de mitra; (14) Isto ordine dato, papa vadit processionaliter versus altare signando continue, hinc et indi, et dum processit modicum ultra, veniet sibi obviam unus de clericis qui portabit modicum de stупpa supra unam virgulam, quam ibi comburet ter, et dicendo ter: 'Pater sancte, sic transit gloria mundi'. Sed tenetur ab aliquibus quod melius fieret in cadestillo propter presenciam populi, ubi est locus ma(io)ris glo(rie), ut infra ponitur; (15) Et hoc facto, cum papa provenerit ultra versus altare, veniunt sibi obviam tres presbiteri cardinales iuniores quos papa recipiet ad osculum ad os et postea ad pectus, et ultimus aptabit sibi planetam cum magna reverentia. Postmodum revertentur, per ordinem eorum, cum aliis qui sic erunt in processione». Очень может быть, что этот чин предназначался для Иннокентия VI (1352) и его авиньонских преемников. Schimmelpfennig B. *Papal Coronations*. P. 184. За одним исключением все статьи первой части, которая нас интересует (1–15) совпадают с чином, использованным в 1316 году для коронации Иоанна XXII (1316–1334), текстом, рассчитанным на случаи папской коронации вне стен Рима, extra Urbem. Не хватает как раз фрагмента о пакле (14), предпоследнего. Об Иннокентии VI см.: Guidi P. *La coronazione d'Innocenzo VI // Papsttum und Kaisertum. München, 1926. S. 571–590.*

¹³¹ См. текст в предыдущей сноске. Для коронации Иоанна XXII в 1316 году в Лионе сконструировали деревянный «катафалк». Dykmans M. *Le cérémonial*. Vol. II. P. 299. N. 35/2: «Et sic ornatus cum omnibus veniet ad portam vel ad gradus ecclesie, et ascendet cadafalcum seu pulpitum ligneum ubi inveniet sedem suam solemniter preparatam». Похожий соорудили для коронаций 1335 и 1342 гг., проходивших в доминиканской церкви Авиньона (Ibid. Vol. II. P. 299. N. 63; Schimmelpfennig B. *Papal Coronations*. P. 189). О пакле эти тексты не упоминают.

¹³² *Chronicon Aadae de Usk. A.D. 1377–1404 / Ed. E.M. Thompson. London, 1876. P. 87:* «In festo Sancti Martini, novus papa pro sui coronacionis solempnitate a palacio Sancti Petri ad ejus ecclesiam descendit, et ad altare Sancti Gregorii, auditoribus vestimenta sibi deferentibus, pro missa investitur. Et in capelle Sancti Gregorii ad hoc egressu capelle sue clericus unam longam cannam cum stupa in summitate gerens, qua stupa ignita per candelam, in hanc vocem clamat: "Pater sancte, sic transit gloria mundi" ac iterato in medio ita bis alciori voce: "Pater sancte, pater sanctissime!" et tercia vice, ad ingressum altaris sancti Petri, trina ita voce: "Pater sancte, pater sancte, pater sancte!" altissima voce; et statim singulis vicibus extinguitur stupa. Prout et in coronacione imperatoris, in summitate glorie sue, cum omni genere artificii eorum ministrorum cujuscunque generis et cloris lapides per latamos sibi offerri solebant, ita ei clamando: "Excellentissime princeps, de quo genere lapidum vis tibi tumbam fieri"?». О символизме брэнности среди императоров Священной Римской империи см.: Schramm P.E. *Sphaira, Globus, Reichsapfel*. Stuttgart, 1958. S. 86.

сжигается пакля». Сцена включает в себя все элементы, указанные Стефаном Бурбонским и авиньонским чином: папа пассивен, слова повторяются трижды. Адаму тоже показалось необходимым пояснить: «так и императору во время коронации, на вершине славы, каменщики подносили осколки цветного камня и спрашивали, из какой породы блистательный государь пожелает заказать себе гробницу»¹³³.

Известно, что ритуал исполнили во время коронации Григория XII (19 декабря 1406 г.), также прошедшей в базилике Св. Петра. Якопо Анджели да Скарперия рассказывает о ней в письме Иммануилу Хрисолору из Константинополя¹³⁴. Как и в авиньонском церемониале, представление пакли новоизбранному понтифику сочетает здесь жесты самоуничтожения с инсценировкой имперского величия: надев позолоченную обувь, появившуюся якобы при Диоклетиане, папа оmyвает руки, получает кольцо и поднимается к верхнему алтарю: праздничное убранство «божественно», папа облачен еще и в белый покров с золотым крестом на груди, «ради его святости, не ради красоты». Описание пакли следует за длинным рассуждением о «царских облачениях», подаренных папе императором Константином. После сжигания пакли папа идет дальше с золотым покровом на голове¹³⁵.

Возжигание пакли пришлось созерцать и двум папам, избранным на соборах: Александру V (Пиза, 26 июня 1409 г.)¹³⁶ и Мартину V (Констанц, 11 ноября 1417 г.). О последнем повествуют авиньонский чин, адаптированный для этого случая¹³⁷, и «Хроника Констанцского

¹³³ Leonardi Dathi Epistolae XXXII, recensente Laurentio Mehus... accessit elegantissima Jacobi Angeli Epistola ad Emmanuelem Chrisoloram addita ejusdem vita. Firenze, 1743. P. 81: «Dum sic ad altare itur, longo in calamo parum stupae comburitur, interque comburendum qui arundinem hanc fert ad Pontificem versus: 'Pater, exclamat, sancte sic transit gloria mundi'. Flammam inspicit Pontifex, ut qui vocem hanc hauriat. Quid exultas homo ad hujusce amplissimi, et ornatissimi triumphus decus, quod volatile, et pro divina aeternitate nec minimum momentum est? Hanc flammam cum eisdem verbis ter aequo partito repetit spatio». О Якопо д'Анджели см.: Weiss R. Jacopo Angeli de Scarperia (c. 1360–1410–11) // Medioevo e Rinascimento. Studi in onore di Bruno Nardi. Firenze, 1955. P. 803–827.

¹³⁴ Второй источник о коронации Григория XII – хроника, написанная неким франконским клириком, возможно, Матиасом Шпенглером, около 1415 года. В ней рассказывается о смерти Иннокентия VII (6 ноября 1406 г.) и коронациях Григория XII (19 декабря 1406 г.), Александра V (7 июля 1409 г.) и Иоанна XXIII (25 мая 1410 г.). Finke H. Eine Papstchronik des XV. Jahrhunderts // Römische Quartalschrift. Bd. 4. 1890. S. 361: «Et ibi factis aliquibus oracionibus (papa Gregorio XII) transivit ad capellam S. Gregorii in eadem ecclesia et ibi steterunt aliquamdiu. Et deinde retrocessit idem dominus noster papa, et antequam veniret e converso ad altare predictum, videlicet s. Petri, tunc ter apponebatur stupa in arundinibus et accendebatur et clericus capelle dixit: 'Sic, pater sancte, sic transit gloria mundi', et sic in dicta capella, videlicet altaris S. Petri, idem dominus noster cantavit missam». Автор часто отсылает к чину, находящемуся в одной с хроникой рукописи: Eichstätt. Seminarbibliothek. Ms. 292. Kösters J. Studien zu Mabillons Römischen Ordines. Münster, 1905. S. 93: «Consecrandus autem extensa super eum mappa procedat signando, ut moris est, ad maius altare et, dum accedit, accenditur stupa ante papam in cuspide baculi vel arundinis per eum de clericis vel acolitis alta voce dicendo genuflexo ante papam: 'Pater sancte, sic transit gloria mundi'. Et papa stat audiendo et progreditur palusper et iterum eodem modo fit tribus vicibus». Ср.: Dykmans M. Le cérémonial. Vol. III. P. 143 N. 6. Нам представляется, что чин из Эйхштетта представляет собой амальгаму XIV чина (Dykmans M. Le cérémonial. Vol. II. P. 305–306. N. 7) для римской коронации (от «In primis ipse» до r. 15 «tempori congruentis») и для коронации «вне Рима», extra Urbem (ibid. Vol. II. P. 290–305). Текстологически независимый эйхштеттский чин, кажется, принял авиньонский церемониал для нужд римского. Автор исходит из того, что папа находится в базилике Св. Петра и направляется в Латеран только для вступления во владение (Kösters. Studien. S. 98).

¹³⁵ Acta Concilii Pisani / Ed. L. d'Achery. Spicilegium. T. VI. P. 334: «Et illa die fuerunt multa solemnna, ut puta, de stupibus combustis dicendo: 'Sic transit gloria mundi'».

¹³⁶ К ним относятся два места в XIV чине, датируемые примерно 1400 годом (рукописи Barb. lat. 570 и Bibl. Naz. di Torino F. IV. 14; ср. Schimmelpfennig B. Die Zeremonienbücher. S. 120, 377, 411). Как и в Эйхштеттском чине, здесь действия адаптированы под Рим: «Notandum est quod, quando electus in papam exiens capellam sancti Gregorii vadit processionaliter versus altare, signando continue hinc et inde et dum processit modicum ultra, veniet sibi obviam unus de clericis [capelle], qui portabit modicum de stupa supra arundinem aut virgam, quam sibi comburet ter. Et precedens eum cum stupa sic ardente dicet ter alta voce: "Pater sancte, sic vadit gloria mundi"» (Ibid. S. 376–377. N. 1). Как в авиньонском чине, здесь есть примечание, что «по некоторым мнениям, лучше было бы проводить этот обряд перед входом в храм, при народе, на видном месте, чтобы все могли видеть, что земная слава длится совсем недолго» (Ibid. S. 377 N. 2). В туринском кодексе Франческо Джакомо (Пьендебене) из Монтепульчано еще назван secretarius; впоследствии он стал епископом Арещо (1413–1433), значит, этот фрагмент возник до 1413 года.

¹³⁷ Ulrich von Richental. Chronik des Constanzer Concils / Ed. M. R. Buck. Tübingen, 1882. S. 126: «Und do er inhin kam, biss uff das fletz, do was ain bischof da, der hett ain grossen steken in siner hand und oben an dem steken ain büschlein werch. Das zündet man an und richt man den steken uff. Das was bald und an stett verbrunnen. Und sang mit luter stimm: 'Pater sancte, sic transit gloria mundi', das ist: 'Hailger vatter, also zergaut die er der welt!' Do antwort der baupst: Deo gratias!». Ср.: Schimmelpfennig B.

собора» Ульриха Рихентальского¹³⁸. Во время коронации Пия II (1458) паклю зажигали трижды: в центре главного нефа, у алтаря св. Маврикия (в северном неф) и на ступенях лестницы св. Петра, ведущей в главную апсиду¹³⁹. Эту сцену в Библиотеке Пикколомини в Сиенском соборе изобразил Пинтуриккьо (1504–1507): церемониймейстер поджигает небольшой моток пакли на конце тростниковой палки и обращается с ритуальным восклицанием к папе, восседающему на папском кресле¹⁴⁰.

Кое-что новое появляется у Агостино Патрици Пикколомини (1484–1492). Как обычно, церемониймейстер сжигает паклю перед понтификом и, преклонив колени, трижды повторяет: «Святой отче, так проходит мирская слава»; затем папа направляется к могилам римских пап в неф, идущий от капеллы св. Григория Великого¹⁴¹. К символике бренности власти, прекрасно явленной паклей, прибавляется предупреждение о бренности и физического тела папы, которому предвещают, что и он присоединится к усопшим предшественникам.

Как мы видим, ритуал сожжения пакли вошел в римское богослужение между 1064 и 1140 годами, то есть примерно тогда же, когда и пепел. В обоих случаях история обрядов не линейна, а, напротив, весьма вариативна. В случае с паклей роль папы, судя по всему, в начале была пассивной. Папский ритуал пакли показывает, что самоуничтожение, подобающее понтифику, оставалось в центре внимания начиная с Григорианской реформы. Особо важные периоды, например середина XIII века, повлияли на его эволюцию, иногда радикально. Введение обряда пакли в коронацию в конце концов вытеснило пасхальный обряд пепла, в XV веке исчезающий из источников. В этом столетии обряд пакли еще используется при дворе германского короля, но потом, кажется, исчезает, в то время как в папской коронации он просуществовал до XX века¹⁴². Таким образом, горящая пакля превратилась в исключительный символ переходящего характера власти понтифика. Если только в отношении папы обряд пакли обретает полноценное значение¹⁴³, нужно понимать, что в этом – результат долгого и сложного развития.

Die Zeremonienbücher. S. 377 N. 2.

¹³⁸ Ibid. S. 258. N. 8: «Attende quod, quando sunt extra capellam, in quadam cana ponitur de stupa et dicitur in medio Vaticani: 'Pater sancte, sic transit gloria mundi', et secunda vice apud altare sancti Mauritii, tertia vice ad scalam sancti Petri – ante coronationem et coram populo, et ibidem facit milites post coronationem suam». Идентификация точек: ibid. S. 208. Ср.: Schimmelpfennig B. Die Krönung. S. 207–208.

¹³⁹ Misciatelli P. The Piccolomini Library in the Cathedral of Siena. Siena, 1924; Schmarsow A. Raphael und Pinturicchio in Siena. Stuttgart, 1880. Le Vite di Pio II e di G. A. Campano e Bartolomeo Platina / A cura di G. C. Zimolo. Bologna, 1964. P. 105. N. 3. На коронации Иннокентия VIII (1484) обряд пакли проводил церемониймейстер Иоганн Буркард. Johannis Burckardi. Liber notarum / Ed. E. Celani. Vol. I. Città di Castello, 1906. P. 75.

¹⁴⁰ Dykmans M. L'oeuvre. Vol. I. P. 70. N. 122: «Ante pontificem immediate minister cerimoniarum precedit cum duabus arundinibus, super alteram stuppam, super alteram vero candelam ardentem portans. Et cum pontifex capellam sancti Gregorii exierit, cerimoniarus ad eum conversus ignem stupe immittit, et genuflexus alta voce dicit: 'Pater sancte, sic transit gloria mundi', quod tertio facit, distincto equali spatio, antequam perveniat ad portam capelle». «Procedunt omnes per navim ipsius capelle sancti Gregorii, ubi sepulchra sunt Romanorum pontificum, et cum illam exierint, flectunt ad dextram et per portam, que est ante altare, ingrediuntur capellam et ascendunt etiam ad dextram. Antequam papa cancellos capelle intret, tres ultimi presbiteri cardinales veniunt ei obviam et osculantur eos et pectus pontificis a seniori incipientes; deinde ante diacones assistentes procedunt».

¹⁴¹ О времени до конца XVIII в. см.: Moroni. LXX. P. 92–93. О XX веке: Bernhart J. Der Vatikan als Thron der Welt. Leipzig, 1930. S. 349, 364.

¹⁴² Elze R. Op. cit. P. 41. Ритуал использовался в королевской коронации Сигизмунда в Нюрнберге 25 сентября 1414 года. Deutsche Reichstagsakten. Bd. VII. Göttingen, 1956. S. 215: «post cujus conclusionem dominus plebanus incendebat stupam sive linum et alte dicebat: 'serenissime rex, sic transit gloria mundi'». Städtechroniken. Bd. III. S. 344, 363; XI. S. 515. Haimel F.X. Das Prozessionswesen des Bistums Bamberg im Mittelalter. München, 1937. S. 97.

¹⁴³ Об общем контексте см.: Eichmann E. Weihe; Schimmelpfennig B. Ein bisher unbekannter Text zur Wahl, Konsekration und Krönung des Papstes im 12. Jahrhundert // Archivum Historiae Pontificiae. Bd. 6. 1968. S. 43–70; Id. Ein Fragment zur Wahl, Konsekration und Krönung des Papstes im 12. Jahrhundert // Archivum Historiae Pontificiae. Bd. 8. 1970. S. 323–331; Id. Die Zeremonienbücher. S. 381 (полный список источников по вхождению во владение Латераном); Maccarrone M. Die Cathedra Sancti Petri im Hochmittelalter // Römische Quartalschrift. Bd. 75. 1980. S. 196–197; Boureau A. La papesse Jeanne. P., 1988. P. 108ss.; Herklotz I. Der mittelalterliche Fassadenportikus der Lateranbasilika und seine Mosaik. Kunst und Propaganda am Ende des 12. Jahrhunderts // Römisches Jahrbuch für Kunstgeschichte. Bd. 25. 1989. S. 46–48.

Латеранские троны

Теперь нам нужно узнать, можно ли найти символические предметы и жесты, касающиеся папы как человека в церемониале вступления во владение Латераном¹⁴⁴.

Для реконструкции ритуалов самоуничужения (масло, пепел, пакля) мы пользовались чином Бенедикта, но здесь этот источник нам не поможет, потому что в нем ничего не говорится об обрядах прихода нового папы. Впервые некоторые элементы этой церемонии появляются в жизнеописаниях Пасхалия II (1099–1118) и Гонория II (1124–1130) в «Папской книге» и в «Первом житии св. Бернарда Клервоского».

Пасхалий II был избран 13 августа 1099 года в базилике Св. Климента. Жизнеописание зафиксировало ритуальные моменты избрания, свидетельствующие о его легитимности. Процессия из Ватикана в Латеран состоялась на следующий день. Впервые подробно описаны фазы вступления во владение Латераном: «После этих и других славословий кардиналы облачают папу в красную мантию, надевают на голову тиару, и в сопровождении ликующей толпы он на коне направляется в Латеран. Там его подводят к портику в южной стороне площади, который ведет в базилику Спасителя, называемую Константиновской. Здесь папу возводят на стоящий там трон, затем на патриарший, наконец он входит во дворец, туда, где находятся два курульных кресла. Понтифика опоясывают поясом, на котором висят семь ключей и семь печатей, чтобы напомнить, что, пользуясь семью Дарами Св. Духа, закрывая и отворяя, папа должен настолько же разумно управлять вверенными ему Богом святыми церквями, насколько торжественно исполняется ритуал. Его усаживают на оба кресла, вручают епископский посох, и тогда, будучи уже хозяином дворца, он завершает ритуал избрания, обходя предназначенные исключительно для понтифика помещения дворца и присаживаясь в них»¹⁴⁵. В следующем пассаже делается акцент на креслах: видение подсказало епископу Алатри, что Райнерий (т. е. Пасхалий II) станет папой, указывая, что «он будет жить и воссядет»¹⁴⁶.

Папа направляется в Латеран уже в мантии и тиаре, но жизнеописание Пасхалия II определенно указывает на значимость вступления во владение дворцом, во время которого его усаживают на кресла перед портиком, в базилике и во дворце. Первое никак не названо, второе, несомненно, «мраморный трон», *sedes marmorea*, в апсиде, биограф называет его «патриаршим», то есть собственно папским. На два других понтифик садится уже во дворце, значит, они скорее всего стояли у входа. Затем он проходит в другие помещения, но о тамошних сиденьях ни слова не сказано¹⁴⁷. Только кресла у входа участвуют в ритуальном действе: при усаживании папа получает пояс с семью ключами и печатями, а когда уже сидит – посох. Ключи и печати символизируют Дары Святого Духа, которые должны вести избранника в делах (муд-

¹⁴⁴ LP. Vol. II. P. 296. «His aliisque laudibus sollempniter peractis, clamide coccinea induitur a patribus et thyra capiti eius imposita, comitante turba cum cantu Lateranum vectus, ante eam porticum quae est ab australi plaga ad basilicam Salvatoris quam Constantinianam dicunt adducitur; equo descendit, locaturque in sede quae ibidem est, deinde in patriarchali, ascendensque palatium, ad duas curules devenit. Hic baltheo succingitur cum septem ex eo pendentibus clavibus septemque sigillis, ex quo sciat se secundum septiformem Spiritus sancti gratiam sanctarum aecclesiarum quibus Deo auctore praeest regimini in claudendo aperiendoque tanta ratione providere debere quanta sollempnitate id quod intenditur operatur. Et locatus in utrisque, data sibi ferula in manum, per caetera palatii loca solis pontificibus Romanis destinata, iam dominus, vel sedens vel transiens, electionis modum implevit». Это тот же текст из кодекса Тортосы, что опубликован Фогелем: LP. Vol. III. P. 144.

¹⁴⁵ LP. Vol. II. P. 297. Maccarrone M. *Romana Ecclesia Cathadra Petri*. Vol. II. Roma, 1991. P. 1312. N. 192.

¹⁴⁶ LP. Vol. II. P. 328. N. 8.

¹⁴⁷ LP. Vol. II. P. 327: «Etenim ipse cum quibusdam consentaneis suis et aliquibus de curia Lambertum Hostiensem episcopum parum acclamaverunt; deinde in symis quae ante aecclesiam beati Silvestri sitae sunt sine mora eum composuerunt». В отличие от того, что утверждает Маккарроне (Op. cit. P. 1313), жизнеописание не говорит ясно, что то были кардиналы. Нельзя сказать, что Пандольфо «постарался подчеркнуть, что это сделали кардиналы». Конечно, биограф хотел легитимизировать бурное и спорное избрание: «Unde licet maxima discordia et tumultus emergerit, tamen postea pacificatis omnibus et ad concordiam redactis in parum Honorium sublimatur». LP. Vol. III. P. 171.

рого) правления. Овладение дворцом – конститутивный акт в рамках процедуры избрания. Чтобы «завершить его», папа входит во дворец с посохом, видимым знаком его владения и власти. Получив дворец, он вступает в него и обходит помещения, никак иначе не описанные.

Жизнеописание Гонория II более кратко: провозгласив епископа Остии Ламберта в церкви св. Панкрация рядом с Латеранской базиликой, выборщики усадили новоизбранного на кресла перед церковью Св. Сильвестра. Биограф добавляет новые детали: кресла в форме греческой буквы «сигма», то есть как курульные в жизнеописании Пасхалия II, стоят перед церковью Св. Сильвестра. Термин *sumae* или *sygmae* отсылает к круглому сиденью, потому что так писалась заглавная унциальная греческая буква, соответствующая латинской *S*. Кроме того, здесь подчеркивается, что усадили папу именно выборщики¹⁴⁸.

Автор «Первого жития св. Бернарда» считает, что фазы вступления во владение представляют собой «усаживания», *sessiones*, следующие «древнему обычаю». Здесь тоже отсылка к церемониальным действиям нужна для утверждения легитимности Иннокентия II (1130), избранного «теми, кто остался на католической стороне». Напротив, его соперника, Анаклета II (Пьетро Пьерлеони, 1130–1138), избрали с помощью «злостных махинаций»¹⁴⁹.

Более четкие указания появились лишь в церемониалах Альбина (1189) и Ченчо (1192), дошедших в Базельском и Лондонском манускриптах¹⁵⁰.

¹⁴⁸ S. Bernardi vita prima. I. II. Cap. 7 (PL. Vol. 185. Col. 268–269): «Qui vero in parte catholica erant, electum suum solemniter ordinatum collocaverunt in cathedra et per loca illa, in quibus sessiones habent ex antiqua consuetudine Romani pontifices circumduxere, et pro tempore honor debitus apostolicae adfuit dignitati». Чтобы очернить Анаклета II, кардиналы-выборщики Иннокентия II обвинили его в «неуважении к папским креслам»: «Sedes pontificum contrivit» (Codex Uldarici / Ed. Ph. Jaffé // Bibliotheca rerum Germanicarum, Bd. V. Berolini, 1869. S. 248). Глагол *conterere* отсылает к неуважению, а не к физическому уничтожению, поэтому вряд ли стоит вслед за Маккарроне гадать, были ли они деревянными, а не мраморными, теми, что стояли у входа в церковь св. Сильвестра, которые в таком случае остались бы целы. Massarone M. Op. cit. P. 1314.

¹⁴⁹ Albino. LC. Vol. II. P. 123–125. N. 3; Cencio. Ibid. Vol. I. P. 311–313 (XLVIII.77). Базельский чин издан в: Schimmelpennig B. Ein bisher unbekannter Text. S. 43–70; Лондонский: Id. Ein Fragment zur Wahl. S. 323–333. Даем текст Альбина: «Mortuo Romano pontifice et sepulto conveniunt episcopi, presbyteri, diaconi cardinales in loco celebri, et perscrutata omnium cardinalium voluntate ab aliquibus de ipsis, in quem major pars convenerit cardinalium, ipsum archidiaconus vel prior diaconorum de pluviali ammantat rubro et electo nomen imponit. Quem duo de majoribus cardinalibus addextrant usque ad sedem lapideam que dicitur Stercorata vel Stercoraria, que est ante porticum basilice Salvatoris patriarchii Lateranensis, et in ea eundem electum honorifice idem cardinales ponunt, ut vere dicatur: 'Suscitat de pulvere egenum, et de stercore erigit pauperem, ut sedeat cum principibus et solium generale teneat'. Post aliquantulam horam stans juxta eandem sedem electus accipit de gremio camerarii tres pugillatas denariorum et proicit dicens: 'Argentum et aurum non est mihi ad delectationem, quod autem habeo hoc tibi dabo'. Tunc accipit ipsum electum prior basilice Salvatoris patriarchii Lateranensis cum uno ex cardinalibus, vel uno ex fratribus suis. Venientibus autem juxta ipsam basilicam Salvatoris per porticum acclamatur: 'Dompmum N. sanctus Petrus elegit', et sic ducunt eum usque ad sacrosanctum altare ejusdem basilice. Intransibus autem ecclesiam, ab universis subdiaconibus cum eorum priore et primicerio cum scola cantorum, qui ubi electio celebrata est adesse debent, cantatur Te Deum laudamus usque in finem dum jacet in oratione ante supradictum altare. Qua finita, a cardinalibus episcopis vel presbyteris ad sedem majorem ipsius basilice ducitur, et in ea ut dignum est, ponitur. In qua sede dum sedet electus, recipit omnes cardinales et quos sibi placuerit ad pedes et postea ad osculum pacis. Quibus peractis, ab ipsa sede judices electum ducunt, et procedit omnis illa multitudo cum electo circumdato ab omnibus cardinalibus, subdiaconibus et primiceriis cum scola per domum que dicitur Major. Ubi vero ventum fuerit ante basilicam sancti Silvestri super cujus arcum qui sustentatur duabus columpnis porfiriticis est ymago Salvatoris que a quodam judeo percussa in fronte emanavit sanguinem, sicut hodie cernitur, ad quam judices electum ducunt. Idem electus sedet ad dexteram in sede porfiritica, ubi prior basilice sancti Laurentii in Palatio dat ei ferulam, que est signum regiminis et correctionis, et claves ipsius basilice et sacri Lateranensis palatii, quia specialiter Petro principi apostolorum data est potestas claudendi et aperiendi et ligandi atque solvendi, et per ipsum apostolum omnibus Romanis pontificibus; et cum ipsa ferula et clavibus accedit ad alteram sedem similem et ejusdem lapidis, et reddit eidem priori tam ferulam quam ipsas claves. In qua dum aliquantula mora pausat, cingitur ab eodem priore rubeo cingulo in quo dependet bursa purpurea in qua sunt XII sigilla pretiosorum lapidum et muscum. Qui siquidem electus illis duabus sedibus sic sedere debet ac si videatur inter duos lectulos jacere, id est, ut accumbat inter principis apostolorum Petri primatum et Pauli doctoris gentium predicationem. In cingulo notatur castitatis continentia, in punga gazofilacium quo pauperes Christi nutriantur et vidue, in XII sigillis XII apostolorum precepta signantur. Muscum includitur ad percipiendum odorem, ut ait apostolus: 'Christi bonus odor sumus Deo'. In qua sede dum sedet electus recipit omnes officiales palatii ad pedes et postea ad osculum. Et tunc ibidem sedens recipit de manu camerarii argenteos nummos, et proicit eos super populum. Hoc facto, tertio dicendo: 'Dispersit dedit pauperibus, justitia ejus manet in seculum seculi', demum procedit per ipsam longam porticum sub yconas apostolorum que per mare romam venerunt nullo ductore, et intrat basilicam sancti Laurentii. In qua postquam pegerit prolixam ante proprium et speciale altare orationem, pergit ad papalem cameram, ubi cum pro sua voluntate pausaverit, pergit ad mensam».

¹⁵⁰ Deér J. The Dynastic. P. 136–146.

Похоронив понтифика, кардиналы собираются в «известном месте» для избрания нового. Архидьякон или старший из дьяконов облачает избранника в красную ризу и «дает ему имя». Два старших по возрасту кардинала ведут его к креслу, называемому *stercorata vel stercoraria*, стоящему перед портиком Латеранской базилики, и «с почетом» усаживают. Посидев немного, он получает от кардинала-камерария три пригоршни монет, бросает их и восклицает: «Золото и серебро даны мне не для услад, что имею – отдам тебе». Тогда приор базилики, один из кардиналов или его собратьев сопровождают его к «святому алтарю». Входящим в портик при этом говорится: «Святой Петр избрал господина N». Певчие пропевают *Te Deum laudamus*, избранник, сев на кафедру, принимает склоняющихся перед ним кардиналов для поцелуя мира. В окружении кардиналов, субдьяконов, настоятелей и хора он покидает храм. Судьи сопровождают его в капеллу (называемую также «базиликой») Св. Сильвестра с процессией, они проходят под аркой, «где находится образ Спасителя, который кровоточил, когда иудей проткнул ему лоб». После этого первого контакта с кровью Христа проходит церемония «порфирных» кресел¹⁵¹. Их неслучайно установили перед капеллой Св. Сильвестра. Согласно очень древнему преданию, Сильвестр I (314–337), следуя воле свв. Петра и Павла, излечил Константина от проказы. Считалось, что реликвии в капелле Святой Святых, *Sancta Sanctorum*, которые избранник должен был почтить в конце церемонии, Константин подарил папе Сильвестру I вместе с иконами Петра и Павла, стоявшими на алтаре¹⁵².

Приор базилики Св. Лаврентия во Дворце, т. е. собственно Святой Святых, передает сидящему на правом порфирном кресле избраннику посох и ключи от базилики и от дворца. Тогда он пересаживается на левое кресло, «того же камня», и возвращает посох и ключи приору. Пока он сидит, тот же приор перепоясывает его поясом с пурпурной сумкой, в которой лежат двенадцать печатей из драгоценных камней и мускус. «Затем избранник должен сесть так, будто лежит меж двух кроватей, как бы возлечь между приматом Князя апостолов Петра и миссией учителя язычников Павла»¹⁵³. После этого он принимает дворцовую прислугу, для поклона и для поцелуя мира. Камерарий выдает ему серебряные монеты, и он бросает их народу, трижды говоря: «Расточил, раздал нищим; правда его пребывает во веки». (2 Кор 9: 9, Пс 111: 9). Он идет через тот же длинный портик под «иконами апостолов, которые сами приплыли в Рим по морю», и входит в базилику Св. Лаврентия. Там он долго молится «у собственного алтаря» и уходит в покои, где отдыхает прежде чем прийти в трапезную.

На следующее воскресенье избранник с дворцовым клиром всех рангов и с римской знатью идет в базилику Св. Петра для принятия из рук кардинал-епископов посвящения. По окончании действия он получает паллий: его надевают и прилаживают архидьякон и приор базилики, закалывая спереди, сзади и слева тремя золотыми булавами. На голове закрепляют три камня гиацинта. В таком облачении он идет к алтарю и служит мессу. Тем временем кардинал-дьякон, субдьяконы и хранители базилики воспевают славословия. Отслужив мессу, папа направляется к месту, где стоит папский конь в парадной сбруе, там архидьякон от старшего конюшего получает тиару (*frigium*) и коронует папу. Папа в короне на коне через город возвращается в Латеран под ликование толпы. Перед дворцом сначала спешиваются кардинал-пресвитеры и, получив благословение, воспевают то же славословие. То же повторяют судьи, сопровождающие избранника во дворец, где тот сам каждому приору выдает «традиционное вознаграждение», *presbiterium*¹⁵⁴. Приоры получают вдвое¹⁵⁵.

¹⁵¹ *Descriptio Lateranensis Basilicae* // Valentini R., Zucchetti G. Op. cit. Vol. III. P. 338; Schimmelpfennig B. Ein bisher unbekannter Text. S. 63. Anm. 28.

¹⁵² Предлагалось интерпретировать эту ситуацию как неопределенность, согласно немецкому выражению «сидеть между двух стульев» (*zwischen zwei Stühlen sitzen*), но это не подходит для папской интронизации. Massagone M. Op. cit. P. 1318. N. 198.

¹⁵³ *Presbiterium* – это денежное вознаграждение, которое папа лично раздавал в торжественных случаях.

¹⁵⁴ Albino. LC. Vol. II. P. 123–124. N. 3; Cencio. LC. Vol. I. P. 311 b.

Все эти фазы следует рассмотреть отдельно. Тогда мы, возможно, найдем те элементы ритуала смирения, которые призваны были напомнить понтифику о его физической бренности и преходящем характере власти, переданной ему при избрании.

Трон в прахе

Каменное сидалище перед портиком Латеранской базилики называется в рассмотренных церемониальных книгах прежде не встречавшимся странным термином: *stercorata* или *stercoraria*. Вряд ли это название народное. Наши источники приводят полностью фразу из Первой Книги царств (2:8), где говорится, что «из праха подымлет Он бедного, из брения возвышает нищего, посаждая с вельможами, и престол славы дает им в наследие»¹⁵⁶. Библейское выражение *de stercore pauperem*, «из праха – бедного» присутствовало уже в 85 формуле древней «Книги дня», *Liber diurnus*, в которой новый папа сообщал о своем избрании¹⁵⁷.

Давно ли использовался такой трон? Трудно сказать. С уверенностью можно утверждать, что библейская фраза появляется в текстах после многих столетий в XII веке. Английскому хронисту она понадобилась, чтобы сказать о своем земляке – папе Адриане IV (1154–1159) в контексте, напоминающем риторику смирения, с которой св. Бернард обратился к Евгению III (1145–1153)¹⁵⁸. На это совпадение стоит обратить внимание, потому что оно свидетельствует, что тема казалась актуальной. Не противоречит этому и первое упоминание трона в прахе, *sedes stercorata*, в церемониалах конца XII века (Альбин, Ченчо и другие).

Очевидна значимость этого, возможно, самого сильного символа самоуничижения, когда-либо использовавшегося римским понтификом, ведь налицо связь между сидением и словом *stercus*: навоз, глина, грязь, отбросы, экскременты¹⁵⁹. На вершине славы и богатства папа должен вспомнить о своем прежнем человеческом состоянии и смириться¹⁶⁰.

¹⁵⁵ Ср.: Пс 112, 7–8. У Альбина *stercorata vel stercoraria*; у Ченчо, в Базельском и Лондонском кодексах *stercorata*. Последним на этом сидалище сидел Пий Pio IV (1560), затем его перенесли вместе с обоими порфирными в латеранский клуатр, где мы и можем его видеть вместе с другими предметами, к нему не имеющими отношения. D'Onofrio C. *La papessa Giovanna. Roma e rapato tra storia e leggenda*. Roma, 1979. P. 148–149. Fig. 94–95.

¹⁵⁶ *Liber diurnus Romanorum pontificum* / Ed. Th. E. von Sickel. Wien, 1889. S. 104: «Neque enim hoc mea merita, karissimi, quae nulla sunt, sed vestrae Christianitatis vota apud altissimum promeruerunt quod in me indigno desuper cernitis exultantes, ut nimirum omnipotens de terra inopem et de stercore pauperem sublimaret, prerogativam sacerdotii concederet dispensatoremque suae constitueret familiae». Ср.: Maccarrone M. *La 'cathedra'*. P. 1315. N. 196.

¹⁵⁷ Guilelmus Neubrigensis. *Historia Anglicana* // MGH. SS. XXVII. S. 228: «De quo dicendum est, quomodo tamquam de pulvere elevatus sit, ut sederet in medio principum et apostolice teneret solium glorie». О риторике смирения в «О размышлении» см. выше.

¹⁵⁸ Словарь Блеза (Blaise A. *Dictionnaire latin-français des auteurs chrétiens*. Strasbourg, 1954. P. 775) переводит *de stercore* (Пс 112:7) как «навоз», «экскременты».

¹⁵⁹ Отсылая к легенде о проверке мужского пола папы, Бартоломео Платина так определил трон в прахе: «трон этот смастерили для того, чтобы облеченный столь высокой властью помнил, что он не Бог, а человек, что он подчиняется требованиям природы и должен испражняться. Оттого-то сидалище и назвали троном праха или экскрементов». Латинский текст: Gayda G. *Vitae pontificum Romanorum*. Roma, 1932. P. 151–152. Ср: Boureau A. *La papesse Jeanne*. P. 29.

¹⁶⁰ См.: Ibid. P. 104.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.